

Таша Ле

Марта. В ритме лунного света

18+

Таша Ле

Марта. В ритме лунного света

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69924475

SelfPub; 2023

Аннотация

Продолжение увлекательной истории про москвичку Марту – про её чуть-чуть нереальную, слегка мистическую, но вместе с тем такую обычную и знакомую нам всем жизнь. Жизнь, полную любви и извечного мучительного выбора. Сможет ли Марта принять изменившуюся вокруг неё действительность? И окажется ли она готова к новым суровым поворотам судьбы? Эта книга, так же как и первая часть "Марта. За северным ветром", прежде всего о неистовой силе любви, о бунте жизни и безусловной вере в лучшее. Ну, и ещё немножко о волшебстве. Вы же, на самом деле, тоже верите в волшебство, правда?

Содержание

Экзюпери.	4
Мой рок-н-ролл.	33
Бросок кобры.	67
Не серые будни.	94
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Таша Ле Марта. В ритме лунного света

Экзюпери.

Я не люблю свадьбы. Даже свою собственную первую свадьбу мне не удаётся воспроизвести в памяти с должным чувством нежности и лёгкой ностальгии. И дело здесь не в том, что первый мой брак в результате не удался. Нет. Просто вся эта беспорядочная суета, нервное ожидание и глупые приметы меня либо банально раздражают, либо ужасно смешат.

А чего стоит одна только подготовка к свадьбе! Вот где истинная проверка чувств будущих супругов. А также их родителей и близких друзей, по воле злого рока, вовлечённых в это фантасмагорическое действо.

Нынче ещё стало очень модно делать фотосессию. Профессиональную, с превеликим множеством почти театрального реквизита, в идиллических пейзажах и утончённых интерьерах. Чтобы остались потом на долгую память милые фото, запечатлевшие вконец измученного предсвадебной гонкой жениха, заточённого в непривычно узкий костюм, и невесту с лихорадочно горящими глазами, пытаю-

шуюся из последних сил сделать вид, что она всю жизнь носила вот эти пышные юбки и сложные причёски.

О своей первой свадьбе я помню немного. Красивый и блестящий лимузин, неудобную шнуровку на расшитом мелкими жемчужинами корсаже, кучу шумных гостей, и отчетливое желание поскорее завершить всю эту историю.

Желание, кстати, сбылось. Быстро завершилась не только история со свадьбой, но и само замужество. Спустя три года семейной жизни и два последующих года безуспешных попыток её спасти, наша ячейка общества наконец-то с треском развалилась. И как показала дальнейшая жизнь, к счастью для обоих членов ячейки.

И вот я снова на свадьбе.

Не верится!

Я взглянула на Глеба. Не верится, что он мой. До сих пор не могу толком осознать и принять тот факт, что этот безупречный красавец с внешностью греческого бога обратил когда-то на меня внимание и почему-то сразу влюбился.

Хотя, безупречный он только в смысле внешности.

При воспоминании о недавних жутких событиях, которые мне довелось пережить прошлым летом, меня тут же бросило в жар. Я почувствовала как предательски задрожали мои руки. Вот чёрт! Никак не могу заставить себя более спокойно относиться к тому, что тогда произошло.

– Марта, неужели ты ещё не поняла, что я и спокойствие – вещи абсолютно не совместимые?

Этот вопрос, полный горечи и тщательно прикрытого страдания, задал мне Глеб в начале нашего знакомства.

Он предупреждал. Он постоянно меня предупреждал. А я даже не потрудилась испугаться. За что и поплатилась в результате.

Что ж... Оно того стоило.

Почти год прошёл. А тяжёлая, вязкая чернота, вылившаяся на меня из глаз Глеба в ту летнюю ночь в Хельсинки всё равно иногда возвращается ко мне в ночных кошмарах. Его дикий, сумасшедший взгляд, моя в клочья разорванная блузка и манящая губительная темнота, в которую я так послушно нырнула, подчиняясь лишь его безумной воле.

Кошмары эти, правда, сразу отступают, как только, подскочив на кровати от ужаса, я вижу рядом с собой мирно спящего Глеба. Я моментально успокаиваюсь и люблюсь на правильные черты его лица. Во время сна они смягчаются и не несут этой вечной скрытой угрозы. Почти не несут...

Я снова повернула голову и посмотрела на Глеба. Прядь тёмных волос чуть спустилась на смуглый лоб, глаза с длинными ресницами слегка прищурены, тонкие губы застыли в полуулыбке. Лёгкий костюм цвета слоновой кости сидит на нём идеально. Успешный во всех смыслах мужчина. И к тому же талантливый архитектор. Разумеется, я успела заметить и даже подсчитать абсолютно все плотоядные взгляды, которые кидали на Глеба шустрые девицы из числа приглашённых гостей. Ха! Бедолаги, им и в голову не придёт на ко-

го они сейчас с таким вожделением таращатся.

Я хмыкнула и невольно передёрнула плечами. Глеб тут же отреагировал на это моё движение.

– Марта? Всё в порядке? – тихо спросил он и нежно поправил выбившуюся из моей причёски прядь непослушных волос.

Прядь не поправилась. Выющие тонкие волосы – это я вам скажу, та ещё проблема. Не решаемая.

– Да, всё нормально. Просто устала стоять, – также тихо ответила я и улыбнулась.

– Ты нервничаешь, я вижу.

– Свадьбы – это не моё.

– Да, это заметно, – ухмыльнулся Глеб.

Наклонившись, он легко поцеловал меня в губы, потом быстро коснулся губами моей шеи. Так, как он это делает всегда. А я в свою очередь, как всегда, покрылась мурашками. Боже, как я его люблю. Как я вообще могла прожить без Глеба те несколько серых месяцев? Тут же вспомнив, благодаря кому именно смогла их прожить, я поморщилась и прерывисто вздохнула.

Нет, сегодня я не хочу об этом думать, довольно. Только не сегодня. Такой ведь день!

Оглянувшись на собравшихся нарядных гостей, с явным нетерпением переминающихся с ноги на ногу в ожидании начала торжества, я поправила складки на своём длинном вечернем платье и пообещала себе не портить этот празднич-

ный день дурацкими воспоминаниями.

А торжество тем временем никак не хотело начинаться. По банальной и простой причине отсутствия главных его виновников.

– Ну где вот их носит, а? Все уже собрались и только их ждут, – сказала я, обращаясь неизвестно к кому.

Но так как рядом со мной стоял только Глеб, то он мне и ответил.

– Марта, они опаздывают всего на десять минут. Мне кажется новоиспеченным молодоженам вполне позволительно такое небольшое опоздание? – с ироничной улыбкой поинтересовался он у меня.

– Да я понимаю. Но ведь Настя! Она же может в любой момент что-то передумать, перехотеть... Ты же знаешь, она сейчас вообще не адекватна. Я переживаю как бы она снова что-нибудь не учудила.

– Ну, насколько я могу судить, женщина на шестом месяце беременности тоже вполне может себе позволить небольшие шалости.

– Шалости! – я громко фыркнула, но спорить не стала.

Мой младший брат Лео сегодня женится. На своей Насте. Которая действительно находилась сейчас на шестом месяце. Ничего из её бывшего поведения и характера не осталось теперь при ней. Вообще другой человек! Я диву давалась, вот честно.

Из упорной, целеустремленной и самостоятельной девуш-

ки, пусть и с весьма сомнительным прошлым, Настя с первых же месяцев беременности превратилась в чудную плюшевую игрушку с опилками в голове. И с меняющимся по минутам настроением. И с мерзким характером. Ну тут я, конечно, наговариваю на неё. Возможно, мне просто обидно, что в жизни моего Лео я теперь занимаю всё более дальние и второстепенные позиции. Хотя, он сам это категорически отрицает.

С другой стороны, учитывая недавно открывшиеся у меня криминальные способности, моему брату как раз и следует находиться от меня на самых дальних позициях. Причём, во всех смыслах.

Конечно, дело не в самих способностях – я уже полностью научилась контролировать их проявления. За последние несколько месяцев я ни разу никого не уронила в обморок. Да, я пользовалась своим даром внушения. В мелочах. И очень аккуратно. Устоять действительно сложно, когда обладаешь такими потрясающими возможностями. Но опасность для Лео исходит не от меня, а от тех, кто будет за мной охотиться. За мной и за моими суперталантами. Ох... Ну вот, опять я начала думать чёрт знает о чём, вместо того, чтобы искренне радоваться за своего любимого брата. Надо отвлечься.

– Слушай, Глеб, а что там у нас с выходными? Всё в силе?

– Конечно. Роман мне вчера подтвердил, что они с Хелли в субботу рано утром прилетают в Москву. И вечером уже

ждут нас у себя дома, – ответил Глеб и внимательно посмотрел на меня.

– О, классно. А то я до последнего, если честно, сомневалась получится ли у Хелли приехать, – немного растерянно пробормотала я.

– Марта, – Глеб аккуратно взял меня за плечи и развернул к себе, – ты уверена, что действительно хочешь к ним поехать? Мы можем этого не делать. Только скажи. Я всё понимаю.

– Нет! – как-то слишком громко воскликнула я, – нет, я и правда этого хочу.

– Мда, звучит не очень убедительно. Но как пожелаешь. Если вдруг передумаешь, скажи. Договорились?

– Да. Спасибо тебе, – тихо ответила я.

Отвлеклась, называется.

Сколько же нам потребуется времени, чтобы... Нет, забыть не получится, это мы оба понимаем. Но хотя бы попробовать относиться к тому, что произошло более бесстрастно что-ли...

Ладно, два месяца всего лишь прошло, два месяца, как мы снова вместе. Что я хочу в самом-то деле? Всё наладится.

Я прижалась к Глебу и он тут же обвил своей рукой мою талию. Как хорошо с ним. Как хорошо.

А тем временем, вокруг нас началось какое-то волнение, хаотичное движение, и я вдруг обратила внимание, что все гости переместились ближе к входным дверям ресторана.

– Приехали, приехали, – послышались со всех сторон возбужденные голоса.

– Ну, наконец-то, – вырвалось у меня, после чего я тоже предприняла героическую попытку пробраться к дверям. Но там было уже всё занято другими, более резвыми гостями.

– Это же надо было столько народу приглашать, – возмущённо зашипела я, когда вернулась к Глебу, благоразумно оставшемуся стоять на месте.

Он молча улыбнулся и взял мою руку в свою. Любимая его привычка. Ласково поглаживая своими пальцами мою ладонь, он спокойно наблюдал за тем, что происходит у входа в ресторан. Конечно, с его ростом это вполне возможно. А я вот даже на высоченных каблуках вижу перед собой лишь плотный ряд чужих плеч и макушек.

– Ну, что там? Зашли они? Как выглядит Лео? Он не расстроен? А мама и папа с ними? – нетерпеливо сыпала я вопросами.

– Зашли. Лео улыбается. Родители рядом, – лаконично ответил Глеб. – А вот теперь и мы пойдём.

Сжав покрепче мою руку и ловко лавируя между гостями, он быстро вывел меня к дверям, около которых со смущенными улыбками стояли два виновника сегодняшнего торжества.

– Лео! Зайчик, – тонким от захлестнувших меня эмоций голосом, пропищала я.

– Ого, Марта, ты говоришь прямо как наша мама, – хи-

хикнул Лео в ответ, и приобняв меня за плечи, чмокнул в щеку.

– Поздравляю тебя! Настя, и тебя! Вы такие красивые!

– Вот только без слёз, Марта. Ты чего?

– Ой, сама не знаю, прости.

Лео в классическом бежевом костюме-тройке и Настя в светлом атласном платье, украшенном шлейфом, и лентой цвета спелой вишни в чёрных волосах выглядели сногшибательно. И излучали абсолютное счастье. Как будто бы и не было у них всех этих предсвадебных нескончаемых споров и пререканий.

Тихонько вздохнув, я вдруг почувствовала, что глаза у меня, и правда, на мокром месте. Так, надо срочно успокоиться, ведь если потечёт тушь, проблем не оберёшься. Придётся ещё снимать дурацкие линзы, а я этого терпеть не могу. Дело в том, что для моей мамы, которую на общем семейном совете было решено оставлять в полном неведении как можно дольше, я по-прежнему оставалась голубоглазой. И просто напросто иногда носила чёрные цветные линзы. Короче, всё с точностью наоборот от реальной ситуации. Ну, а здесь, на свадьбе – куча наших общих знакомых и каких-то родственников, так зачем их пугать моими невероятными чёрными глазищами? Вот поэтому сегодня я героически надела цветные линзы оттенка летнего ясного неба, из-за которых теперь одних проблемы.

– Лео, Настя, мои поздравления! Искренне желаю вам

счастья, – Глеб крепко пожал руку моему брату и с лёгкой улыбкой кивнул его беременной невесте.

Настя, чуть скосив глаза в другую сторону, аккуратненько сдвинулась на полшага назад – за спину Лео, после чего тоже улыбнулась Глебу. Так она к нему и не смогла привыкнуть. Боится. Понятно, что этот страх не беспочвенный, а теперь в её положении, наверное, и вовсе интуитивный. Инстинкт самосохранения. Инстинкт, которого у меня нет и в помине.

– Я обежала весь зал, Марта, Глеб! А вы тут стоите! – подлетая ко мне откуда-то сзади, воскликнула мама.

– А что случилось? – испуганно спросила я.

– Как что?! Надо усаживать гостей, начинать банкет. Время уже почти девять вечера! Кошмар, мы ничего не успеем! Павел ещё куда-то запропастился... Вот где носит твоего отца? Только что он был рядом со мной!

Глаза у мамы горели, она запыхалась, заметно нервничала и вообще была на взводе.

– Елена, позвольте вмешаться, – мягким, обволакивающим голосом произнёс Глеб. – Во-первых, ещё только половина девятого и мы вполне в графике. А, во-вторых, посмотрите сами, гости уже благополучно расселись по своим местам. И я вижу, что Павел как раз идёт в нашу сторону.

Мама как-то сразу немного обмякнув, растерянно оглянулась на ресторанный зал, потом улыбнулась и, как обычно, немного кокетливо поправила свою причёску.

– Да, действительно. Спасибо, Глеб, вы всегда такой со-

бранный и так умеете успокаивать.

Она махнула рукой подходящему папе, и нежно потрепав меня по щеке, сказала:

– Ты выглядишь замечательно, доченька, платье – чудо! Давайте тоже за стол.

Я с улыбкой кивнула маме и как только она отошла, повернулась к Глебу с самым своим мрачным выражением лица.

– Успокаивать значит ты умеешь? Ну-ну.

– Марта...

– Глеб, мы же с тобой договорились без повода не делать этого с нашими близкими.

– Когда ты уже согласишься в то, что такие обычные внушения совсем не несут вреда? Никакого. Да просто глупо пренебрегать возможностью слегка подправить настроение нуждающемуся в этом человеку. Не вижу здесь никакой проблемы.

– Это моя мама. Вот и вся проблема, – язвительно сообщила я.

Подняв одну бровь, Глеб прищурился и не менее язвительно поинтересовался:

– То есть мою Ирину, несчастную добрую женщину, работающую на меня долго и верно, кошмарить значит можно?

– В каком смысле?

– В прямом.

– Не понимаю о чём ты... Ерунда какая-то. Ладно, пойдём

за наш стол. Нас заждались Наверное уже.

Но Глеб демонстративно стоял в той же позе, не шелохнувшись.

– Чёрт возьми, – проворчала я, – ну случилось это раза два тогда, необходимо было...

– Я не о том, что было тогда, – перебил меня Глеб. – А о том, что происходит сейчас.

Тут уже я задрала свои брови, стараясь придать лицу как можно более невинное выражение.

– Ты думаешь, Марта, я не замечаю, как ты регулярно тренируешься на Ирине? Так сказать, оттачиваешь на ней своё мастерство. Ай-ай, как не стыдно.

Упс. Какая незадача.

– Да? Надо же... Я думала, ты не видишь. Извини. Но ведь это такие мелочи, обыденные просьбы, самое что ни на есть лёгкое внушение! – с досадой воскликнула я.

– А какое внушение, по твоему, демонстрировал я только что с твоей мамой? А?

Он прав.

Я виновато опустила голову и сокрушенно помотала ей из стороны в сторону. Потом снова подняла её, и встав на цыпочки, прикоснулась своими губами к губам Глеба. Глаза его, огромные и чёрные, заглянули в мою душу, щедро рассыпая в ней радужные сверкающие блики. Минуты застыли, звуки исчезли, растворилось всё вокруг – остались только мы. Прижимая меня одной рукой, другую Глеб запустил в

МОИ ВОЛОСЫ.

– Марта, любимая, – прошептал он хриплым голосом. – Ты моя жизнь.

– А ты – моя, – едва слышно ответила я.

Рядом с нами резко кашлянули. Один раз и потом ещё раз. От неожиданности мы с Глебом чуть ли не подпрыгнули.

– Прошу меня простить, но насколько я понимаю, молодожёны сегодня не вы, – негромко, но вполне отчетливо произнёс папин голос. – Оторвитесь друг от друга. Только вас ждут.

И кинув на нас многозначительный взгляд, ушёл в глубь ресторана.

– Но скоро и мы будем молодожёнами, – заметил Глеб, не торопясь, впрочем, выпускать меня из стального кольца своих объятий. – Да, Марта?

– Да. Конечно, да.

Праздничное застолье затянулось до полуночи. Оно бы, возможно, затянулось и дольше, но обслуживание свадебного банкета было оплачено до двенадцати часов, да и сам ресторан, к счастью, работал по будням только до часу ночи.

Бредовая идея сыграть свадьбу в будни исходила, разумеется, от Насти. О том, что событие это должно произойти в начале лета, они с Лео решили ещё в январе, сразу после помолвки. Правда, даты и другие подробности не обговаривали. Но ближе к весне я и сама напрочь выпала из общего потока семейных событий. Мои отчаянные попытки спасти

Глеба, выжить самой и не сойти при этом с ума, заняли всё пространство и время вокруг меня.

Поэтому, когда в середине апреля я всё же вернулась почти в нормальное русло своей почти нормальной жизни, меня там поджидал большой сюрприз. Оказалось, что Настя ждёт двойню.

«Бедный Лео!» – это была самая первая мысль, пронёсшаяся тогда вихрем в моей голове. Хорошо, что хоть вслух не сказала. Однако, глупая тревога быстро сменилась радостным ожиданием, и я даже самоотверженно включилась в предсвадебную подготовку. Чем порядком удивила не только своего брата, но и саму себя.

Настя тоже с тех пор как начала нас удивлять, так вот остановиться теперь никак и не может.

Во-первых, она решила, что свадьба непременно должна быть восьмого числа. Во-вторых, спорить с ней стало абсолютно невозможно. Я бы даже сказала, что споры с нынешней Настей теперь мгновенно превращались в театр абсурда.

– Восьмёрка – это же символ бесконечности! – возбуждённо объясняла она нам. – В мае я не хочу выходить замуж, плохая примета. В июле уже слишком живот большой будет, так что назначим свадьбу на восьмое июня.

– Настя, но в этом году восьмое июня – четверг. Будни! – пытался образумить беременную невесту мой наивный Лео, – мы же хотели позвать много наших друзей, а кто в будни из них сможет прийти? Далекое не все, я уверен.

– Чудесно! Значит мы накануне распишемся, а на следующий вечер снимем ресторан для банкета, – с воодушевлением парировала Настя. – На восемь вечера. Сплошные восьмёрки! Какая прелесть. Ух, как же это будет здорово!

Вот таким образом все мы и оказались не очень тёплым июньским вечером в прелестном итальянском ресторане, изысканно украшенном благоухающими гирляндами из алых кустовых роз и белоснежных хризантем.

В начале первого ночи наконец разъехались последние такси, увозя по домам охмелевших и шумных гостей. Лео с Настей, уставшие, но довольные, уехали примерно час назад на новеньком, нагло сверкающем отполированной краской японском кроссовере – нашем с Глебом свадебном подарке. Ну, моё участие в подарке выразалось лишь в выборе цвета автомобиля. На зарплату ассистента директора скромной школы иностранных языков я бы смогла купить только руль от такой машины. И может быть ещё пару зеркал впридачу. На премию.

Настя, прыгала и визжала от радости, когда сегодня утром увидела у своего подъезда припаркованный белый вседорожник, символически перевязанный атласной ленточкой цвета фуксии. Лео просто тарашил глаза и по-моему впал в настоящий ступор. Поэтому нам с мамой пришлось практически силой уговорить Настю, пока та не допрыгалась до преждевременных родов, а затем, также применив некоторое физическое усилие, растормошить Лео.

Уверена, что хоть водительские права есть у них обоих, машину станет водить Настя. Я очень чётко представляла её за рулём, с сидящим на заднем сидении Лео в обнимку с близнецами. Ну, может это и к лучшему, мой брат всё-таки бывает иногда немного рассеян.

В ресторане остались только официанты, убирающие оставшуюся посуду со столов, мы с Глебом и мои родители.

– Марта, доченька, не понимаю, ну зачем вам сейчас тащиться куда-то за город? Давайте вместе поедem домой, места же много. Мне даже неудобно, мы с папой как будто выселили вас, – причитала мама, в очередной раз за сегодняшней вечер, пытаюсь уговорить нас с Глебом остаться на ночь в нашей московской квартире.

Я только вздохнула и грустно улыбнулась. Конечно, можно и в квартире остаться. Даже свет включать не потребуется – я вам так светло сделаю, что надолго запомнится. А уж какую шикарную подсветку в глубоких синих тонах вам Глеб организует! Мечта...

Родители приехали из Петербурга всего на несколько дней, ведь папа, как и всегда, не смог оставить надолго своё обожаемое детище – книжный магазинчик. Сначала они хотели забронировать номер в московском отеле, но мы с Лео быстро их уговорили поселиться на эти дни в нашей квартире. Всё равно она сейчас пустует – брат давно уже переехал к Насте, а я конец недели всегда провожу в загородном доме Глеба.

– Так, Елена Прекрасная, хватит пререкаться, – решительно заявил папа и незаметно подмигнул мне. – Собирайся, я такси уже вызвал. Где твоя сумочка?

– Ну ты сам подумай, Паша! Ты не понимаешь...

– Ещё как понимаю.

О, да. Папа действительно всё понимал. И знал. Что, конечно, не облегчало ему жизнь.

Со стороны кухни появился Глеб со звенящими характерным звуком огромными пакетами в обеих руках. Он шёл лёгкой походкой, как будто нёс не кучу полных бутылок, а всего лишь мешок с невесомым тополиным пухом, который уже основательно окутал всю Москву.

– Елена, тут много спиртного осталось из того, что вы закупали. Просекко и что-то ещё, вот посмотрите. Давайте вы вам сразу в такси погружу.

– Да перестань, я сам донесу, давай, – резво подскочил мой папа, и не успела я возразить, как он выхватил все пакеты из рук Глеба.

Пакеты тут же со звоном стукнулись об пол. Мама ойкнула, папа чертыхнулся, Глеб молча снова поднял пакеты и понёс в сторону выхода.

– Как он так легко умудряется их нести? – округлив глаза, спросила мама.

Мы с папой переглянулись, я укоризненно покачала ему головой, а он виновато пожал плечами.

Ну, Глеб тоже молодец, не мог в два захода эти сумки

принести. Или кряхтеть от напряжения, что ли, не знаю... Сколько лет он уже инсайдер, а до сих пор иногда прокалывается на мелочах. Что уж тогда говорить обо мне и моём крошечном стаже! Да и как тут избежать ошибок? Ведь невозможно всё предусмотреть.

Мы с родителями тоже вышли на улицу. Такси ещё не приехало, и Глеб стоял возле опустевшей стоянки, негромко разговаривая с кем-то по телефону. С кем он так поздно разговаривает? Наверное с Романом. У инсайдеров нет понятий «слишком поздно» или «слишком рано» – когда для сна требуется всего пару часов в сутки, временные рамки становятся весьма условными.

Я с наслаждением вдохнула чарующий аромат цветущей где-то неподалёку сирени. Свежий, ночной воздух ласково окружил прохладой мои открытые руки и плечи, развеял хоровод тревожных мыслей и моментально унёс в сказочный фантазийный мир – в мою другую нереальную реальность.

Впрочем, из неё пришлось сразу вернуться.

– Почему ты не взяла с собой что-нибудь накинуть, Марта? Платье совсем лёгкое, замёрзнешь. Вечера ведь пока такие холодные, – со смесью досады и беспокойства сказала мама.

– Да всё нормально, не переживай, у Глеба в машине лежит мой плащ. Посадим вас в такси и я сразу его надену.

– Ну, смотри. Простудиться сейчас ничего не стоит, – недоверчиво произнесла мама и потрепала меня по голой ру-

ке. – Ты вообще какая-то горячая, Марта! Может ты уже заболела? Не знобит тебя?

Тревога в маминых глазах стремительно нарастала. Я тоскливо покосилась на пустую стоянку. Ну где носит это дурацкое такси?

Мой беспомощный взгляд тут же заметил Глеб.

– Ты наверное замёрзла, Марта, вот держи, – подходя, сказал он. И скинув на ходу свой пиджак, водрузил его мне на плечи, тем самым надёжно прикрыв все открытые участки моего тела.

Как всё сложно-то. Как, оказывается, всё сложно...

Через пару минут подъехало такси. Глеб погрузил звенящие сумки в багажник, потом быстро переговорил с водителем и захлопывая за родителями пассажирскую дверь, предупредил:

– Павел, Елена, я попросил водителя, он отнесёт ваши вещи до квартиры.

– Ой, как хорошо, спасибо тебе, – обрадовалась мама и помахала нам обоим рукой.

Ага, попросил он водителя, как же.

Мы тоже помахали родителям в ответ, и проводив взглядом похожий на апельсин, жёлто-оранжевый автомобиль, пошли к своей машине. В которой, естественно, никакого моего плаща не лежало. Мёрзнуть я перестала ещё зимой.

– Надо было сразу отдать эти несчастные пакеты Лео, – сказала я, когда мы выехав со стоянки, плавно влились в об-

щий поток автомобилей. – Это ведь они с Настей закупили всё.

– Значит, он потом и заберёт их к себе домой. Им сейчас не до учёта закупок, поверь мне, любимая, – усмехнулся Глеб.

Я тихонько вздохнула и посмотрела в окно. И не скажешь, что уже глубокая ночь. Вот куда они все едут? Будни, между прочим. Спать надо и набираться сил для предстоящего трудового дня, а они все куда-то мчатся...

К тому, что отныне родной дом для Лео – уже не наша с ним квартира, а скромная однушка Насти, я никак не могла привыкнуть. Две недели я билась с ним как лев, доказывая, что большая, трёхкомнатная квартира – это как раз то, что нужно молодой семье с двумя малышами. Но нет. Упрямство моего брата в нашей словесной битве не знало границ. Даже Настя под конец уже как-то вяло стала сопротивляться. А он ни в какую! Поразительная упёртость. И в кого он пошёл?

Все мои доводы Лео решительно отметал, а на компромиссы вообще не шёл.

– Но я ведь тоже не буду жить в этой квартире! Я скоро перееду к Глебу в его загородный дом. Какой смысл, я не понимаю, оставлять её пустой? – возмущалась я в очередной нашей с ним перепалке.

– Вот и чудесно, переезжай. А то, помнится, ты уже как-то переехала к нему, – тихо, но не без ехидства, парировал Лео. – И чем всё закончилось, помнишь?

– Ну, знаешь!

– А так у тебя всегда будет запасной аэродром. Готовый плацдарм для отступления.

– А я не хочу иметь какие бы то ни было плацдармы. И аэродромы. Я отступить, знаешь ли, не планирую!

– Это ты, Марта, сейчас так говоришь...

Под конец второй недели я сдалась.

Нет, я не смирилась с решением Лео. О, нет.

Я предприняла попытку в первый, и надеюсь, в последний раз воспользоваться своими нечеловеческими талантами в отношении родного брата. И мягко внушить ему то, что мне было нужно...

Глаз, зрачок, пустота.

Но ничего не вышло. Как только послушный и доверчивый взгляд Лео утонул в черноте моих глаз, я резко мотнула головой и убежала в ванную. Там я минут пять самозабвенно редела. Потом ещё некоторое время ругала и кляла себя на чём свет стоит, после чего умылась, подождала пока моё покрасневшееся лицо примет естественный бледный оттенок, и вышла к брату. Он по-прежнему неподвижно стоял посреди комнаты. Я быстро вывела его из этого беспомощного состояния, и сославшись на неотложные дела, трусливо сбежала из дома.

Глебу я рассказала о случившемся лишь спустя несколько дней. Он молча меня выслушал и обнял. А я уткнулась лицом в его грудь и так мы простояли, наверное, целую веч-

ность. Какое это невысказанное счастье – довериться человеку, способному безошибочно считывать все твои страхи, тревоги и опасения, какими бы глупыми и странными они не казались...

Мы наконец вырвались из ночного, но вечно не спящего города, и теперь мчались по извилистой областной дороге, как будто бы играя в прятки с подглядывающей из-за туч сонной луной. И пока я вяло следила за сливающимися в причудливый орнамент знакомыми пейзажами, бесшабашный ветер, влетающий из открытого окна, основательно разматывал мою сложную причёску, над созданием которой сегодня днём так кропотливо трудились лучшие мастера из модного салона красоты.

Глеб одной рукой вёл машину, вторая же, как и обычно, лежала на моей коленке. Я медленно опустила свою руку на его ладонь и он тут же сжал мои пальцы.

– Что-то не так? Ты выглядишь расстроенной. Или просто устала? – спросил он.

– А разве инсайдеры устают? – усмехнулась я в ответ.

– Ты не обычный инсайдер. Ты суприм. Так что имеешь полное право на отклонение от нормы.

– О, да. Ты с самого начала мне говорил, что я ненормальная, – тихонько рассмеялась я. – Вот и инсайдер из меня получился тоже не очень нормальный. Я по-прежнему к концу дня валяюсь с ног от усталости, да ещё и сплю, как сурок, по десять часов в сутки. Даже смешно, честное слово!

– Марта, ну что ты, перестань. Уверен, что всё ещё поменяется, вот увидишь. Прошло ведь всего несколько месяцев. Давай, не будем торопить события, договорились?

– Договорились.

Глеб довольно кивнул головой, но всё же окинул меня своим цепким внимательным взглядом.

– Честно, я в полном порядке, не переживай, – как можно убедительнее сообщила я. – Да и вообще, с тобой я всегда в порядке, ты же знаешь.

Чуть скинув скорость, Глеб наклонился ко мне и поцеловал в губы. Я глупо хихикнула. Вкус мяты, резкий аромат и прохлада ментола закружили меня в своём вихре, а вездесущий северный ветер моментально поглотил всё пространство вокруг нас.

– Так что тебя тревожит? Рассказывай, я же вижу, Марта.

– Ох, Глеб, – я прерывисто вздохнула, – всё оказалось слишком сложно и запутанно. Столько мелочей и разных нюансов, о которых я раньше и не задумывалась. За один сегодняшний вечер произошло сразу несколько мелких проколов. Причём, и с твоей стороны тоже. То есть, даже ты, понимаешь, даже ты со своим огромным опытом не можешь всего учесть! А уж я...

– А ты сегодня была великолепна, Марта.

– Ты специально сбиваешь меня с мысли?

– Я любовался тобой весь вечер. И сейчас люблю. Ты очаровательна в этом платье. И честно говоря, я очень рас-

считываю снять его с тебя в ближайшее время, – сказал Глеб с мягкой, немного кошачьей улыбкой. Нет, скорее уж с тигриной.

– Ведь ты прекрасно понимаешь о чём я говорю, – смутившись, возразила я.

– Понимаю, – вдруг сразу став серьёзным ответил он. – Отлично понимаю, Марта.

Я заметила как рука его сжала руль, как прищурились глаза, превращаясь в холодные чёрные щёлки. Глеб мгновенно стал другим. Бесстрастным, неприступным, жёстким. И таким я его тоже любила. Не боялась, не опасалась, не прикидывала возможные последствия и не рассчитывала свои дальнейшие ходы. Просто любила.

– Я не жалуясь, Глеб. Но знаешь, я категорически не понимаю каким образом мне сохранить свой прежний образ жизни со всей этой ерундой, которая теперь со мной творится. Как быть с родителями и Лео? А потом ведь ещё и два младенца на свет появятся. Друзья, знакомые, коллеги... Кошмар.

– Сохранить в точности как было раньше уже не получится, – немного смягчившись, произнёс Глеб. – Ты должна смириться с тем, что отныне не сможешь контролировать абсолютно всё и вся. И, уж если говорить откровенно, Марта, то и саму себя тоже. Знаю, что признать это невероятно тяжело, ведь на свои силы мы опрометчиво надеемся до самого конца. Я, например, был в себе уверен до последней

роковой секунды, – добавил он с горькой усмешкой.

Я судорожно сглотнула и изобразила улыбку. Ту последнюю секунду я помнила слишком хорошо. Отвернувшись к окну, я стала машинально рассматривать проносящиеся мимо нас спящие дома, прямоугольники засеянных полей и светящиеся в темноте белоснежные шапки цветущих кустарников. Отличное ночное зрение – одно из преимуществ инсайдера. Как у хищников. Хищники тоже в себе уверены до последнего рокового мгновения.

– И как же нам быть? – прервала я молчание.

– Будем как Экзюпери, – совершенно спокойным голосом сообщил Глеб.

– Э... Кто?

– Антуан де Сент-Экзюпери.

– Кто??

– Писатель. Лётчик. И просто хороший парень.

Приоткрыв рот, я вытаращилась на Глеба.

– Ты что, общался с ним лично?

– Марта, любимая, ну что ты такое говоришь, – снисходительно возразил он, – я родился в 1935 году, а Экзюпери в 44-м уже разбился на самолёте и погиб.

– Да откуда я знаю! – взорвалась я, – откуда я знаю с кем ты был знаком, где жил и ... вообще! Я ничего о тебе не знаю.

Меня вдруг жутко взбесило и одновременно поразило то, насколько ничтожно мало, в сущности, мне известно о прежней жизни Глеба.

Так, надо успокоиться. Тех ужасов, которые он уже успел рассказать о своей жизни, мне вполне достаточно. Более, чем достаточно.

– Прости, – покосившись на меня с виноватым видом, сказал Глеб.

– Да ладно, это я что-то слишком эмоциональная сегодня. День такой, напряженный... Так что там, с этим Экзюпери?

– Однажды он написал молитву. Разве ты никогда не слышала о ней?

– Слышала. Да, я сейчас поняла о чём ты. Искусство маленьких шагов.

– Верно.

Глеб чуть рассеянно улыбнулся, и не отрывая взгляда от ночной дороги, тихо процитировал:

– «Я прошу не о чудесах и не о миражах, а о силе каждого дня. Научи меня искусству маленьких шагов. Помоги мне быть здесь и сейчас, и воспринять эту минуту как самую важную. Убереги меня от наивной веры, что всё в жизни должно быть гладко. Я знаю, что многие проблемы решаются, если ничего не предпринимать, так научи меня терпению...»

Затаив дыхание, я буквально впитывала кожей знакомые, прочитанные мною когда-то давным-давно слова. Но теперь, произнесённые вслух хрипловатым голосом Глеба, они приобретали свой новый сокровенный смысл, они раскрывались подобно пышному бутону какого-то диковинного цветка. В один миг мне вдруг стало легко и понятно. Понятно, что да-

же, если моя странная жизнь и полна чудес, то постоянно их ждать и бояться, по крайней мере, глупо, ведь реальность тоже никуда не исчезла. Самое важное – это здесь и сейчас. Терпение. Без глупой паники. И маленькими шагами.

Я же всегда умела относиться к себе не всерьёз. Жизнь вообще не стоит воспринимать слишком серьёзно, это чревато для психики и в результате очень сильно мешает наслаждаться этой самой жизнью. Значит, дальше – только маленькими шагами. Только здесь и сейчас. И с тем, кто мне важен.

Отстегнув ремень безопасности, я потянулась к Глебу и обвив обеими руками его шею, поцеловала в губы.

– Спасибо тебе, – прошептала я, – знаешь, ведь только ты можешь меня успокоить.

– О да, это я могу, – с мрачной ухмылкой согласился он.

– Ну я же сейчас совсем о другом...

Я поспешно отогнала услужливо всплывшие в памяти зловещие картинки из нашего недавнего прошлого, и тихонько добавила:

– К тому же, у тебя всё равно тогда ничего не вышло.

– Нет, Марта, ты не выносима!

Я довольно рассмеялась, и чтобы не мешать Глебу вести машину, чуть отстранилась от него. Но он тут же притормозил и съехав на обочину, заглушил мотор.

– Зачем мы остановились? Что ты.., – начала я, но сильные, нетерпеливые руки Глеба, уже почти нашли хитрую застёжку на моём платье, и в общем, задавать дальше уточня-

ющиеся вопросы было бы глупо.

– Это ж надо такое платье придумать, дурацкие пуговицы, зачем их тут столько, – бормотал он, успевая, впрочем, покрывать поцелуями мою шею.

– Кажется, совсем недавно ты хвалил моё платье. И вообще, до дома ехать осталось всего ничего... минут десять...

Глеб кинул взгляд на навигатор:

– Не угадала. Почти полчаса.

«Зато я с тобой угадала» – подумала я, ныряя в чёрные бездонные омуты пылающих огнём глаз.

Дома нас встретил оглушающий храп Арлетт. Она спала в коридоре, развалившись чётко поперёк входа, но мы всё же смогли незаметно прокрасться мимо неё в столовую. На кухонном столе нас ждал предусмотрительно нарезанный аккуратными кусочками мясной рулет и пара высоких стеклянных бокалов возле запотевшего кувшина с домашним морсом. Ирина всегда чётко знала, что именно нам может потребоваться. Как она угадывала? Впрочем, я всегда подозревала, что домработница Глеба была в прошлой жизни образцовым дворецким в невыносимо чопорном английском семействе. Распоряжения своего хозяина она не выполняла, она их предугадывала.

Быстро приняв душ, мы перетащили всё со стола в спальню, и там прямо на кровати – Ирина нас убьёт – устроили импровизированный пир. Пирующих получились трое. Ровно через две секунды после того, как я отправила в рот первый

кусочек вкуснейшего запеченного мяса, в нашу комнату влетела проспавшая всё на свете Арлетт, и не дав нам опомниться, с размаху и не очень изящно запрыгнула на кровать. Все пятнадцать килограмм упитанной французской бульдожки ощутимой дрожью отозвались на конструкции кровати. Глеб выругался, я ахнула и пролила морс на одеяло. Ещё несколько капель выплеснулось прямо на морду довольной Арлетт, которую она тут же тщательно вытерла о мою подушку. Бедная Ирина.

За окном уже начинался робкий рассвет, когда мы все трое наелись, и наконец улеглись спать. Впрочем, Арлетт как только сообразила, что еда закончилась, тут же с грохотом спрыгнула с кровати и виляя толстой плюшевой попой, ушла досматривать свои сны.

Глеб уснул моментально, а я ещё некоторое время в ленивой полудрёме размышляла об удивительном искусстве маленьких шагов. Мысли путались, но отдельные фразы из молитвы Экзюпери на удивление чётко всплывали в моей памяти. Пару раз я открывала глаза и тихонько улыбалась, глядя на идеальный мужественный профиль на фоне сереющего предрассветного неба. Он мой. Мой. Это главное.

А остальное – маленькими шагами. И всё у нас получится. Мы же вместе.

Мой рок-н-ролл.

На званый субботний ужин мы с Глебом безбожно опоздали. Вместо обещанных семи часов вечера, к дому Романа и Хелли мы подъехали только к девяти. И повинны в нашем непозволительном двухчасовом опоздании были вовсе не треклятые московские пробки, на которые потом с невозмутимой лёгкостью сослался Глеб.

Надо сказать, что на старые добрые пробки на столичных дорогах вообще можно свалить любое опоздание. Это, конечно, удобно, чего уж тут лукавить. Но сегодня мне было действительно стыдно, потому как я точно знала истинную причину нашей задержки. И называлась она – слабость и трусость.

Да, я отчаянно боялась сюда ехать.

Разумеется, Хелли меня абсолютно не пугала, наоборот, я скучала по нашему с ней живому общению и очень ждала возможности наконец-то в волю поболтать. Мы по-прежнему с ней регулярно созванивались, но общения в виде коротких телефонных разговоров и лаконично-эмоциональных смайликов в сообщениях нам явно не хватало. Ну, мне не хватало точно. Поэтому, когда в прошлом месяце выяснилось, что Роман по работе должен на неделю приехать в Москву, я стала лелеять искреннюю надежду, что Хелли тоже сможет вырваться с ним хотя бы на пару дней. Я знала,

что она сейчас готовится к очередной фотовыставке своих работ в Париже, а значит, как обычно, до безумия нервничает по этому поводу и скорее всего ей не до всяких поездок. Но Хелли решительно отмела мои робкие сомнения, пообещав бросить всё и примчаться. Слышать это было так мило и приятно, что я с лёгкостью выкинула из головы крошечное и незначительное обстоятельство – с Хелли приедет и её муж Роман.

И действительно, суматошный, а в большей части откровенно хаотичный процесс подготовки к свадьбе Лео действовал на меня словно качественная анестезия. Я с удовольствием предвкушала нашу с Хелли милую болтовню и всё то, что мне надо ей непременно рассказать. Роман же в моих наивных мечтаниях играл роль безмолвного предмета мебели. Однако уже в день свадьбы я очень явственно осознала, что мне хватит даже одного его осуждающего взгляда, чтобы снова погрузиться в трясину тяжёлых воспоминаний.

Никому не известно, сколько я уже потратила и ещё буду тратить сил на сохранение хрупкого равновесия тех самых своих воспоминаний. Равновесия между тем, что мне надо поскорее забыть и тем, что придётся забыть.

В последний раз я общалась с Романом, почти год назад, когда жила в Петербурге, со Свенном. И вот Свена он мне так и не простил. Поступить иначе он, наверное, не мог, в конце концов Глеб его лучший друг. Но, казалось бы, какое мне должно быть дело до мнения Романа? Ну да, это неприятно,

не более того. Ан нет. Выяснилось, что при упоминании имени Романа я теперь автоматически вспоминаю и Свена. А с такими коварными пассажирами моей памяти я пока справлялась не очень хорошо. И больше всего боялась, что это заметит Глеб. Глеб умён. Прекрасно разбирается в людях, в истинных мотивах любых их поступков. Мои терзания, даже мастерски завуалированные, в любом случае не останутся им не замеченными. Но масштабность и глубина этих терзаний никоим образом не должна была стать ему известной. Я просто не имела права доставлять ему столько новых страданий.

Утром в субботу Глеб умчался по своим рабочим делам, пообещав мне, что к пяти часам вернётся домой, быстро переоденется и мы поедем к Роману и Хелли. Подразумевалась, что я к этому времени буду одета, причёсана, накрашена и в меру радостна. Но не тут-то было.

Оставшись в доме одна, я не нашла ничего лучшего, как с изрядной долей мазохизма начать предаваться сомнениям и терзаниям по поводу предстоящей поездки. Нет, я честно пыталась отвлечься! Я успела два раза погулять с Арлетт, пропылесосить пол в идеально чистой гостиной, отломать ручку от окна в нашей спальне – снова не рассчитав свои силы, после чего помыть тоже самое окно, досмотреть до половины какой-то идиотский американский фильм и прополоть пару грядок с молодой ранней зеленью. А заодно порядком озадачить Ирину своими сумбурными действиями. Когда я вдруг затеяла печь оладьи, она лишь робко поинтересовалась

у меня – не требуется ли её помощь, и получив отрицательный ответ, поспешно удалилась с кухни. Оладушек, пышных и красивых, у меня напеклась целая горка. Эффектно уложив их в глубокую фарфоровую тарелку, расписанную трогательными незабудками, я немного полюбовалась полученным результатом и внезапно услышала, как огромная Хонда заехала на участок. Вот чёрт, уже пять вечера!

Последующие за этим два часа Глеб очень искренне убеждал меня, что ехать к Роману вовсе не обязательно, что я могу на днях одна встретиться с Хелли, и вообще не стоит так себя изводить. Но я упорно держала оборону, убеждая его с самым невозмутимым видом в том, что банально не успела собраться и одеться. А не вот это всё, что он там себе напридумывал.

В начале восьмого мы оба окончательно выдохлись и сделав вид, что вопрос исчерпан, выехали таки из дома.

К предусмотрительно открытым въездным воротам на участке Романа и Хелли мы подъехали под зажигательные рок-н-рольные хиты Чака Берри. Музыка лилась из открытых настежь окон первого этажа симпатичного небольшого таунхауса. Мангал во дворе дымил аппетитными ароматами, а на уличном столике ждали своего часа несколько разноцветных бокалов из толстого гранённого стекла – не иначе как очередная находка Хелли на блошином рынке.

А вот и она сама. В смешном джинсовом комбинеzone и с неприлично прямыми для афроамериканки блестящими

чёрными волосами, она стремительно сбежала со ступенек, и не переставая улыбаться до ушей, заключила меня в крепкие объятия.

– Марта, как я тебе рада! Глеб, привет! Ну нельзя же так редко нам встречаться! – воскликнула она. – Пошли скорее в дом, закинем ваши вещи и давайте уже к столу. Жуть как есть хочется!

– Ой, Хелли, прости, мы так опоздали! Понимаешь...

– А, ерунда, – Хелли не дала мне договорить и почти силой потащила в сторону дома. В дверях которого стоял Роман. Светловолосый, подтянутый, в обманчиво простых на вид джинсах и футболке, он сдержанно кивнул мне и чуть отстранился, пропуская нас обеих внутрь.

– Здравствуй, Марта, – произнёс он ровным голосом. – Хелли, я пойду к мангалу, посмотрю как там себя чувствует наша рыба.

Ответив на приветствие Романа, я проводила его удаляющуюся спину внимательным взглядом и только потом выдохнула. Ну, а что я ожидала, собственно? Что он бросится на меня с топором?

– Даже не думай переживать на его счёт, – предостерегла меня Хелли, – не будь идиотом.

– Идиоткой, – поправила я.

Мы обе улыбнулись.

– Когда-нибудь я научусь не делать кучу мелких ошибок в русском языке. Но пока мне не до того. Ох, Марта, сердцем

чувствую, что именно эта выставка меня добьёт, – посетовала Хелли с уморительно-жалостливым выражением лица. – Или правильно говорить – прибьёт?

– Так тоже можно. Драматический контекст присутствует в обоих случаях.

– Отлично. Знаешь, сделаем так, – чуть тише сказала она, – мы сейчас все вместе посидим за столом, поболтаем. А после оставим мужчин и поднимемся с тобой наверх. Там нам никто мешать не будет. Знаешь, я так соскучилась по тебе! Только, пожалуйста, Марта, расслабься. Ты как натянутый канат. Нет, веревка.

– Струна.

– Да. Струна. Короче говоря, расслабься, всё страшное уже произошло. Страшнее уж точно не будет. Наверное. Надеюсь.

Не удержавшись, я засмеялась.

– О да. Ты отлично умеешь успокаивать, Хелли. Но ты права, мне действительно ничего не остаётся, как просто расслабиться. И получать удовольствие.

Тут мы уже обе прыснули от смеха. Совершенно не серьёзно с нашей стороны. Особенно с моей.

После недолгих раздумий было решено устроить праздник чревоугодия во дворе, благо погода позволяла. Не жаркое пока ещё июньское солнце закатилось за горизонт, дождя не предвиделось, а вечерняя прохлада никого из нас не пугала. Хотя бы это качество инсайдера у меня уже прояви-

лось по полной. Всё не так обидно.

– Дорогой, как там наша рыбка? – игриво поинтересовалась у своего мужа Хелли, когда мы вышли с ней на улицу.

– Не уплыла пока, – сообщил Роман, сосредоточенно разглядывая тлеющие угли в мангале.

Глеб уже уселся в плетёное уличное кресло, но увидев меня, поднялся навстречу и обняв за талию, негромко спросил:

– Всё хорошо?

– Конечно, – улыбнулась я, машинально отмечая, как в его беспокойных чёрных глазах постепенно тает тревога.

С явным облегчением он прижал меня к себе и нежно поцеловал в макушку.

– А я бы уже что-нибудь съел, – заметил он. – Ром, ну чего там у тебя? Запахи такие витают, сил нет ждать.

Запахи действительно витали вокруг нас. Но аромат запечённой рыбы и креветок в разы уступал насыщенному крепкому аромату мяты и ментола. Наверное, остальные в силу своего гигантского опыта воспринимают это уже как данность. Безусловно, я и сама давным-давно привыкла к подобным эффектам, свойственным всем инсайдерам – ни освежающий холод ментола, ни внезапные порывы ветра меня вовсе не беспокоят, однако я по-прежнему концентрирую на них своё внимание. А в последнее время особенно. Потому как примерно месяц назад я стала слишком часто замечать их рядом с собой. В метро, на улице, в магазинах. Кто-то из инсайдеров активно следит за мной? Или же моя неуёмная

фантазия как обычно разыгралась? Глебу о своих сомнениях я решила пока не сообщать. Чего доброго, с перепугу он запрёт меня дома, а сам бросится выяснять кто именно посмел затеять слежку. А уж о его методах получения информации я могу только догадываться... Но вот с Хелли надо сегодня обязательно поделиться своими наблюдениями.

– Всё готово! Садимся за стол, – звонким голосом скомандовала хозяйка дома. – Мы, и правда, заждались вас, ребята.

Морской окунь таял во рту, огромные королевские кровати получились невероятно нежными, ну а вино, вино лилось рекой, благо трое из нас имели уникальную способность долго не пьянеть. Я же была той четвёртой, которой по какому-то неведомому закону подлости эта способность не передалась.

– Нет, ну какая несправедливость! – возмущалась я, после второго выпитого мною бокала. – Уже всё у меня есть. Глаза чернющие и в темноте светятся как два фонаря, холода и жары не чувствую, внушать могу...

– И даже круче, чем другие инсайдеры можешь, – с довольным видом вставила Хелли.

– Вот именно. Так, о чём я... Ты меня сбила с мысли, – укорила я Хелли, отчётливо понимая, что путаницу в моей голове устраивает вовсе не она, а выпитый алкоголь. – Так вот, а пить не пьянея, по-прежнему не могу! Кроме того! Обещанные мне два-три часа, необходимые для сна тоже пока только мечта. Чтобы нормально выспаться, мне как и

раньше нужно часов десять, не меньше.

– Да ты что, до сих пор? – хихикнула Хелли.

– Ага, – ответил за меня Глеб. И с недвусмысленной улыбкой добавил:

– Крайне неудобно в совместной жизни.

Засмеялись все, даже Роман.

Спустя ещё час, я не без труда выбралась из уютного кресла, в котором спокойно умещалась вся, вместе с ногами, и направилась в ванную комнату в доме. Настроение у меня было превосходным. Тревога улетучилась, глупые опасения не оправдались – Роман и не думал как-то проявлять свою враждебность, рыба оказалась невероятно вкусной и сочной, ну, а превосходное белое вино в красивых винтажных бокалах придавало дружескому общению тот самый необходимый градус веселья.

Освежив лицо холодной водой из-под крана, я поправила тонкий поясок на своём простом и удобном хлопковом платье, и в очередной раз порадовалась современной практичной моде. Какое счастье, что нынче с платьями носят кроссовки! Терпеть не могу каблуки. Окинув критическим взглядом своё вполне счастливое и слегка растрёпанное отражение в зеркале, я безуспешно пригладила собранные в конский хвост волосы, и вышла из ванной комнаты.

С улицы раздался очередной заразительный взрыв смеха и я сама невольно улыбнулась. Протянув правую руку, чтобы открыть входную дверь, я вдруг ощутила резкую боль в

левой руке и одновременно с этим почувствовала в шаге от себя насыщенный ментоловый аромат. Буквально подпрыгнув на месте, я моментально развернулась назад и увидела Романа, схватившего меня за локоть.

– Не торопись, Марта. Надолго я тебя не задержу, мне нужна лишь минута твоего драгоценного внимания, – чуть слышно, сквозь зубы процедил он. – Просто хочу донести до тебя одну незатейливую мысль. На тот случай, если ты ещё не разобралась в своих запутанных чувствах. Не вздумай снова кинуть Глеба. Ты поняла? Я не позволю тебе его убить.

Остолбенев, я молча смотрела на Романа, черты лица которого прямо-таки перекосило от праведного гнева. Даже не подозревала, что он может быть таким.

– Ты поняла меня?

Тут я сообразила, что боль в руке исходит от его стальных пальцев, сжимающих мой несчастный локоть. Что происходит, а?

– Немедленно отпусти меня, – зашипела я на Романа и с силой толкнула его в грудь свободной рукой.

Он не упал, конечно, но с удивлённым видом заметно пошатнулся.

– Чёрт, всё забываю, что ты уже изменилась, – пробормотал он, послушно отступая на пару шагов назад. – Ты не ответила. Я ведь доступно объяснил? Я найму тех, кто будет следить за каждым твоим шагом Марта, и если у меня возникнут хоть малейшие подозрения...

– Так значит, это твоих рук дело?! И давно ты за мной шпионишь? А я-то голову сломала – кому я вдруг так сильно понадобилась. И ведь инсайдеров нашёл для слежки...

– Каких инсайдеров? Подожди... За тобой что, следят? Давно?

Роман растерянно таращился на меня во все глаза, а я с трудом сдерживалась, чтобы не разбить об его глупую голову китайскую вазу, стоящую на небольшом комодке рядом со мной.

– Марта, подожди. Ты ведь очень много ещё не знаешь! – начал он снова, но в этот момент я услышала приближающиеся с улицы шаги, и предостерегающе шикнув на Романа, стремительно скрылась за дверью ванной комнаты, не забыв сразу же запереться на замок. Хотя, кого тут из нас можно остановить запертой дверью? Никого.

Уф... Сидя на крышке унитаза, я запустила обе руки в свои волосы и с силой сжала голову, как будто бы опасаясь, что из неё выскочат последние разумные мысли. Так, ну совершенно ясно, что знать об этом отвратительном эпизоде никому не следует. Ни Глебу, ни тем более Хелли. Что-то у меня много тайн становится в последнее время. Причём, от самых близких мне людей.

Стоп. А про что, со слов Романа, я ещё очень много не знаю? И судя по тому, как он удивился услышав о слежке, к нему она всё-таки не имеет никакого отношения. Кругом одни загадки.

Ладно, надо выходить, а то Глеб точно заподозрит неладное. Даже не взглянув на себя в зеркало, я осторожно открыла дверь и выглянула в коридор. Никого. С улицы по-прежнему доносились хиты рок-н-ролла – на смену зажигательному Чаку Берри теперь пришёл красавчик Элвис. Вот под его мелодичный баритон, повествующий о коварных превратностях любви, я и вышла ко всей компании.

Роман уже сидел в своём кресле, и как ни в чем не бывало, в полушутливом тоне жаловался на невозможное поведение своей жены в период подготовки к очередной её выставке. Хелли вяло защищалась от его нападок, красноречиво закатывала глаза и по-кошачьи фыркала. А вот Глеб встретил меня своим фирменным сканирующим взглядом и без тени какой-либо улыбки.

– Ты долго, – заметил он, когда я устроилась в кресле и взяла в руку свой бокал. – Всё в порядке?

– Абсолютно. Просто не могла никак с волосами справиться. Ты же знаешь, они у меня живут своей собственной жизнью.

– Если ты устала, можем подняться наверх и пораньше лечь спать.

– Что ты, я полна сил! Налей мне лучше ещё вина.

– Уверена? Это третий будет, – с мягкой улыбкой сказал Глеб. – Ты ведь сама всегда говоришь, что три бокала это твой разумный предел.

– Хм, а может я уже не пьянею как раньше? Кстати, я вот

и правда почти трезвая, – с удивлением сообщила я, отлично понимая истинную причину такого состояния. Страх на меня всегда действовал отрезвляюще.

– Хелли, – позвала я. – Ты хотела показать мне свою новую антикварную шкатулку, помнишь?

– А! Точно, дорогая! – спохватилась она и резво поднялась с кресла, не забыв, впрочем, крепко поцеловать мужа в губы. Тот кинул на меня настороженный и не очень добрый взгляд, но промолчал. Испугался, что я пожалуюсь на него? Слабак. Ну, вот пусть помучается.

– Мальчики, мы вернёмся не скоро, так что развлекайте себя сами, – объявила Хелли, и прихватив с собой почти полную бутылку вина, вышла из-за стола.

Мы уже заходили в дом, когда я услышала, как Роман спросил у Глеба не хочет ли он послушать какую-нибудь другую музыку. Глеб отказался, сказав, что просто обожает рок-н-ролл.

Да уж, наша с ним теперешняя жизнь действительно очень смахивала на неистовые и безудержные рок-н-рольные хиты.

Шкатулку мы с Хелли, конечно же посмотрели, она на самом деле оказалась изумительной. Старая лаковая миниатюра, да ещё в отличной сохранности, настоящая находка для истинного коллекционера.

– Ну, а теперь, Марта, раскрой мне наконец секрет, – произнесла Хелли с грустной улыбкой, когда мы с ней наконец

оторвались от шкатулки.

– Какой секрет?

– Каким образом тебе удалось выбраться из всего этого ужаса?

– Да я и не выбралась толком...

Мы с Хелли спрятались в их с Романом спальне, усевшись на большой кровати и раскидав вокруг себя невероятное количество декоративных подушек самых разнообразных размеров. Бокалов у нас не было, идти за ними не хотелось, и мы просто отпивали по очереди прямо из бутылки. Хелли слушала меня очень внимательно, печально поддакивая и кивая головой в знак солидарности. Я даже не разревелась – поразительный факт. Естественно, Хелли и так была в курсе происходящих со мной событий. Ведь именно ей я позвонила после нашей с Глебом катастрофической ночи, когда он попытался внушить мне смертельно опасную дозу любви, чуть не убив меня этим. Потом мы с Хелли тоже регулярно созванивались, но телефонный разговор не в состоянии заменить живого общения. Глаза собеседника иногда лучше слов отвечают на любые вопросы. Особенно, если это немые вопросы. Те, что озвучить вслух не хватает смелости и душевных сил.

Я на удивление спокойно рассказала Хелли о том, как Свен выхаживал меня после моего побега в Петербург, как я злилась на его присутствие и одновременно с этим судорожно цеплялась за него, очень быстро осознав, что он мой

единственный спасательный круг в окружившем меня море безумия. Я почти равнодушно поведала про моё возвращение к нормальной жизни, как вернулась в Москву и устроилась на новую работу. О своих новогодних питерских каникулах со Свеном я говорила сдержанно, но этот эпизод мне дался уже тяжелее. Про то, как Глеб пытался покончить с собой, а Свен его спасал, спасал ради меня, я рассказывала совсем тихим голосом.

– Ты прости меня, – начала Хелли после того, как я замолкла, – я в шоке от того, что тебе пришлось пережить... Слово идиотское, да? Пережить. В твоём случае оно слишком буквальное. Так вот, ты прости, я дура, наверное. Но, слушай – Свен?! Он ведь в подмётки не годится Глебу. Во всех смыслах! И он убийца, Марта. Настоящий убийца. Да он даже на фото выглядит страшно. Брр! Я не общалась с ним лично, но слышала всякое... Когда я представляю, сколько несчастных жертв на его счету, у меня холод по коже...

– Мороз.

– А, не важно. У меня и холод, и мороз, и я вся как айсберг!

– Очень точное описание, лирическое. Молодец, – похвалила я.

– Ох, Марта, ты ненормальная всё же.

– И Глеб так считает.

– И правильно делает, – хмыкнула Хелли, протягивая мне бутылку. – Давай выпьем.

– За то, что я ненормальная?

Хелли рассмеялась, и метнув в меня расшитую шёлком, пёструю подушечку, возразила:

– Нет, за то что все мы тут немного не в себе!

– Отличный тост!

Я едва успела сделать глоток, как Хелли вдруг спрыгнула с кровати и умчалась в коридор. Через минуту она вернулась, неся в руках внушительных размеров миску, доверху засыпанную крупной спелой черешней.

– Вот, – радостно сообщила она, – чуть не забыла. Мы купили этих ягод с Романом как только прилетели. Они у вас гораздо дешевле, чем в Париже, кстати. Забыла как по-русски они называются. Очень смешно как-то.

– Это черешня. Я тоже её люблю. Но с каких это пор, Хелли, ты стала заботиться о ценах на продукты?

– А я и не забочусь. Инстинкт. Получить что-либо дешевле, чем обычно – это в крови у любого человека. Даже у таких психов, как мы.

Я хихикнула и выбрав самую крупную и красивую ягодку, отправила её в рот.

– Сладкая. И аромат божественный! – прокомментировала я с довольным видом.

Хелли с набитым ртом утвердительно покивала мне в ответ и промычала что-то невразумительное. Чудовищный акцент в сочетании с пригоршней черешни, которую она запихнула в рот, напрочь пресекал любую попытку её понять.

– Слушай, Марта, – справившись с черешней, сказала Хелли, – но ведь ты так и не переехала к Глебу? Я правильно поняла, что вы пока не стали жить вместе?

– Нуу... да.

– А что вы тянете с переездом? Ты извини, если лезу не в своё дело.

– Что ты, всё в порядке. Объяснение на самом деле очень банальное: я пока работаю, а постоянно мотаться из области в город в час-пик довольно проблематично.

– Но ты же собиралась увольняться?

– Я и сейчас собираюсь. Но не сию же минуту. Увольнение я запланировала на осень. Понимаешь... Ох... Просто мы с Глебом решили не торопиться. В этот раз.

– Да-да, разумное решение, – поспешно согласилась Хелли, и я заметила, как быстро она отвела взгляд в сторону.

– Видишь ли, в доме Глеба в любом случае надо делать ремонт, – чуть тише продолжила я. – Спальню мы себе временно обустроили в одной из гостевых комнат, ну я рассказывала тебе почему... К ремонту мы ещё не приступали, так что спешить с увольнением большого смысла нет. К тому же мне удалось устроить себе очень удобный график на работе. Я убедила своего начальника в том, что трёх полноценных рабочих дней в неделю мне вполне достаточно для обеспечения качественного производственного процесса.

– Вот как? Хм. То есть, вот просто взяла и уговорила начальника? – с изрядной долей ехидства поинтересовалась у

меня Хелли.

– Между прочим, я честно пыталась с ним поговорить по-нормальному, без всяких внушений, – с тяжёлым вздохом ответила я. – Потом махнула рукой, конечно... Да он бы в любом случае не согласился. А так, и рабочий процесс не пострадал – я всё успеваю, и начальник доволен. А самое главное, что оставшиеся четыре дня я провожу вместе с Глебом.

– Ну и молодец. И не надо оправдываться. Уж точно не передо мной, во всяком случае, – усмехнулась Хелли. – Знает, дело только в работе? С ума сойти. Знаешь, Марта, я бы точно не смогла так быстро вернуться к человеку, который пытался меня... Ну, ты поняла...

– Я и не возвращалась. Я была с ним всегда, на самом-то деле.

Хелли восхищённо присвистнула.

– Вот это круто, – произнесла она. – Ты, конечно, уникальна. Понятно, почему Глеб так в тебя вцепился. Но вот я одно не пойму. Как он смог пережить присутствие Свена в твоей жизни?! Пусть и недолгое, но оно ведь было. Было! А учитывая, что Глеб, мягко говоря, не очень хорошо умеет держать себя в руках, да и вообще...

– Как пережил, говоришь? Не знаю. Я часто вспоминаю то, что увидела тогда в нашей бывшей спальне... Которую он уничтожил. Там даже мебели не осталось. Да он там вообще ничего не оставил. Руины и обломки. А эти стены, Хелли... Чёрт побери, я бы много отдала, чтобы забыть эти жуткие

следы на стенах! Следы от его ногтей... Не представляю, что с ним тогда было. Не хочу представлять. И не могу.

– Так, Марта, успокойся, пожалуйста. Ты начала всхлипывать, а это плохой знак. Очень плохой. Ну, не надо... О, нет. Что я наделала.

Я закидывала голову наверх – излюбленный мною приём, чтобы слёзы не вытекали из глаз, я глубоко и медленно дышала, но всё равно расплакалась. Ну вот. А я ещё удивлялась тому, как легко обо всём рассказала. Сглазила.

– Что за несправедливость... Я даже из всех инсайдеров самая ненормальная получилась, – сказала я, более-менее успокоившись. – Пока все глушат коньяк бутылками, почти не хмелея при этом, я по-прежнему валюсь с ног от трёх бокалов. Думала, что меньше реветь стану, ан нет, и тут не угадала.

– Зато ты можешь делать то, что другим инсайдерам не под силу, Марта! Ты в состоянии отменить любое предыдущее внушение, ты можешь влезть в мозг жертвы после того, как с ней уже успешно пообщался другой инсайдер. А этого никто не может сделать! – воскликнула Хелли и вдруг запнувшись, добавила чуть тише: – Фактически, ты сильнее любого из нас.

Я поморщилась, словно от приступа головной боли и закрыв лицо руками, пробормотала:

– Вот поверь, я вовсе не мечтаю стать сильнее всех.

– Верю, дорогая, – согласилась Хелли. – Верю.

Мы ещё немного поболтали, доели почти всю черешню и уже спустившись на первый этаж, я вспомнила, что так и не рассказала Хелли историю про своих возможных преследователей. Ну и ладно. Завтра расскажу. Может, и правда ничего такого нет, а у меня всего навсего развилась банальная мания преследования.

Мужчины к тому времени переместились с улицы в гостиную и сидели в креслах напротив друг друга. Мягкий, рассеянный свет в комнате исходил лишь от небольшого подвесного светильника, плафон которого был выполнен из толстого витражного стекла. И разноцветные, хоть и приглушённые блики ложились причудливыми узорчатыми тенями на пол, стены и даже лица. Роман курил толстую ароматную сигару и внимательно слушал Глеба, который едва слышно что-то ему рассказывал. Рассказывал, опустив глаза в пол, и нервно потирая пальцы рук. На лице его безошибочно считывался целый спектр эмоций – тревога, надежда, смятение. Богатый набор. Что-то не так? Надо мне наверное поинтересоваться у него? Но как-нибудь потом, сейчас же моя главная задача – добраться до постели и крепко проспать в ней до самого утра.

Глеб увидел меня, улыбнулся, и подойдя, тут же крепко обнял за талию. Заглянул в глаза.

– Устала?

– Устала, объелась черешни, валюсь с ног, и кажется, засыпаю на ходу, – вяло отрапортовала я.

– Вижу. Но где вы черешню отыскивали?

– О, Хелли мастерица на сюрпризы.

Уснула я, едва коснувшись подушки. Мне снилась черешня. Огромные, кроваво-коричневые ягоды медленно катились на меня, пачкая своим липким, густым и приторно сладким соком. Когда одна из ягод всё-таки подкатилась слишком близко, я протянула к ней руку, чтобы оттолкнуть, но ягода внезапно взорвалась, окатив меня с головы до ног ярко-бордовой жидкостью.

– Ну и бред, – пробормотала я, проснувшись.

За окном начинался рассвет, ранний и яркий, как это всегда бывает в начале лета. Однако плотные тяжелые шторы не давали свету проникнуть в комнату, оставляя в ней приятный полумрак.

– Снова кошмары? – хриплым голосом спросил Глеб, притягивая меня к себе одной рукой.

– Нет, просто надо меньше есть перед сном, – ответила я, тут же прижимаясь к нему всем телом.

– Тогда спи дальше, тебе ещё рано вставать.

– Как я могу спать дальше, если ты уже почти снял с меня ночнушку...

– А зачем ты вообще надела этот несчастный кусочек кружева, не понимаю...

– Хорошо, я буду ложиться спать голой.

Глеб на секунду замер, хмыкнул, и плотоядно улыбнувшись, заметил:

– Прекрасная идея.

А я снова тонула в этих чёрных глазах. Вот удивительно, его сила внушения – смертельно опасная и невозможно притягательная одновременно, давно уже не действует на меня, но стоит ему лишь заглянуть в мои глаза... Что со мной творится, а? И почему? И только бы это волшебство никогда не прекращалась, никогда, пожалуйста...

Прохлада мятного аромата мгновенно окружила нас со всех сторон, моё сердце стучало где-то снаружи меня, и больше всего я боялась, что руки Глеба, сильные и нежные, вдруг разомкнут неимоверно крепкое кольцо своих объятий. Слишком для меня крепкое, но как выяснилось, жизненно необходимое.

– Марта, любимая, – шептал он, убирая с моего лица спутавшиеся за ночь пряди волос. И я тонула, снова тонула безвозвратно...

Проснувшись второй раз за сегодняшний день, я обнаружила, что солнце светит вовсю, Глеба рядом нет, и вообще, судя по звукам с улицы вся компания уже давно бодрствует и весело проводит время. Взглянув на часы, я быстренько поднялась с кровати и побежала принимать душ. Чёрт бы побрал эти дурацкие особенности инсайдеров – спать не больше трёх часов в сутки. Ну, нормальных инсайдеров, а не таких как я. Ладно, когда-нибудь и эта способность станет мне доступной. Всеми своё время. И маленькими шагами. Я улыбнулась своему зеркальному отражению в ванной комна-

те, но тут же вспомнила вчерашнюю выходку Романа. Ох...

Я сидела у туалетного столика, замотанная в мягкое и пушистое банное полотенце, и наносила крем на своё слегка помятое после сна лицо, когда дверь открылась и вошёл Глеб.

– Подожди минуту, я сейчас закончу, – торопливо проговорила я, не глядя в его сторону. – Не думала, что уже столько времени. Почему ты не разбудил меня раньше? Вы все уже раза три наверное позавтракали, да?

Опустив голову вниз и подсушивая влажные волосы феном, я вдруг сообразила, что Глеб даже не пожелал мне доброго утра и вообще не произнёс ни слова. Резко подняв голову, я взглянула в сторону кровати, на край которой он присел.

– Доброе утро, Марта, – взгляд холодный, на губах кривая ухмылка. Господи, ну что ещё стряслось? Что успело произойти за эти несколько часов?

– Доброе...

– Почему ты мне не сказала, что за тобой следят?

Я застыла. Так, Хелли не могла проболтаться, потому как я ей даже не успела ничего рассказать о своих подозрениях. Значит, Роман донёс на меня. Вот зачем он это сделал?! Выходит, не зря я опасалась этих выходных, ох, не зря.

– Марта? Давно ты заметила слезку?

– Послушай, – я подошла ближе и нежно провела своей рукой по колючей, не бритой щеке Глеба. Но он тут же от-

странился.

– Ты испугалась моей реакции? Поэтому молчала? Или не можешь доверять мне как прежде? Я угадал?

Злой огонёк обиды в его прищуренных глазах и никогда не потухающее пламя сомнений и тревоги. Пепелище бывших трагедий, разгорающееся снова и снова от этой его вечной готовности к опасностям.

Я глубоко и тяжело вздохнула. От этого движения полотенце на моём теле развязалось и медленно поползло вниз. Дав ему упасть, я осторожно покосилась на Глеба. Никакой реакции. Мда, плохо дело.

– А как, позволь узнать, ты сам выяснил об этой слежке? – язвительно поинтересовалась я, быстро поднимая полотенце с пола.

– Мне Роман сказал.

– Да ну? Прелестно. А как же он узнал?

– Марта, он хочет попросить у тебя прощения за вчерашнее. Я сам был в шоке, когда утром услышал его рассказ. Чуть в челюсть не врезал. Ромка не имеет никакого права доставать тебя подобными угрозами. И вообще никто не имеет. Но пойми, он не мог не сообщить мне о надвигающейся опасности, ведь ты сама так несерьёзно ко всему относишься! Правда, он просил меня не выдавать его. Но когда я узнал про слежку...

– Вы два старых, чокнутых параноика.

– Прости, – Глеб протянул руку к моему обнажённому

плечу, но я резко отвернулась и села обратно к туалетному столику.

– Марта?

– Иди в сад.

– Куда? – почти испуганно переспросил он.

Я кинула на него как можно более презрительный взгляд, и махнув рукой в сторону открытой балконной двери, откуда явственно доносилось благоухание цветущих деревьев, чётко произнесла:

– В сад.

Глеб недовольно фыркнул, однако послушно поднялся с кровати и вышел из спальни, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Ну и как? Как мне со всем этим рок-н-роллом относиться к происходящему серьёзно? Да я с ума сойду!

Компанию за завтраком составила мне Хелли. Мы расположились с ней в гостиной – я ела, сидя за столом, а она, забравшись в кресло с ноутбуком на коленках, рассказывала про подготовку к своей выставке. Ну, не совсем рассказывала, скорее жаловалась на недостаточно шустрых рабочих, возмущалась недалёковидностью организаторов и глупостью собственных ассистентов.

– Не понимаю, – я пожала плечами, – если это доставляет тебе столько переживаний, почему бы не воспользоваться своими способностями и «уговорить» нужных людей совершать чуть-чуть более разумные действия? – с недоумением

спросила я.

– Эх, дорогая, вот сразу чувствуется, что ты ещё новичок в нашем деле, – ответила она с грустью. – Жить обычной жизнью, с обычными для неё проблемами и трудностями – это не более, чем способ жить вообще. Иначе, затянет, не остановишься потом, выдохнешься, всё станет безразлично... Понимаешь, о чём я?

Я кивнула в знак согласия.

– Слово у вас есть подходящее, как же оно? – Хелли нахмурила лоб, почесала в задумчивости кончик носа, после чего радостно воскликнула:

– Вспомнила! Прикушивается. Иначе, всё прикушивается! Вот.

– Приедается, – давась смехом, поправила я.

После завтрака я помогла Хелли убрать посуду и мы вышли с ней во двор. Она, извинившись, тут же уселась за уличный столик и открыв ноутбук, погрузилась в дебри скучной деловой переписки. Ну, а я с истинным блаженством растянулась на большом удобном шезлонге, подставив пока ещё робкому июньскому солнышку пока ещё бледные руки и ноги. Боже мой, ну почему я такая не аппетитно бледная? Всецело поглощённая разглядыванием проступающих сквозь кожу синеватых вен на своих конечностях, я и не заметила как ко мне подошёл Роман. За его спиной маячил Глеб.

– Доброе утро, Роман, – с олимпийским спокойствием

произнесла я. – Хелли сказала, что вы с Глебом пошли что-то обсуждать в твой кабинет. Ну и как, обсудили?

Роман смущённо закряхтел, покосился на сидящую рядом Хелли, и наконец ответил:

– Я – дурак. Извини, Марта.

Хелли бросила свою важную переписку и с удивлением посмотрела на мужа. Глеб – само воплощение смирения и покорности, не говоря ни слова, сел в соседний от меня шезлонг. Не забыв, впрочем, бросить устрашающий многозначительный взгляд на Романа.

– Я вовсе не хотел тебя расстраивать и тем более пугать, Марта, – продолжал тот. – Но, заметив патологически влюблённые взгляды этого ненормального, я просто решил тебя предупредить. На всякий случай. Разумеется, меня не должно касаться ваша личная жизнь, но Глеб мой друг, и я не могу оставаться равнодушным наблюдателем. Понимаешь?

Я заметила, как Глеб нетерпеливо заёрзал в своём шезлонге, и повернувшись к Роману сказала:

– Понимаю, извинение принято. Но прошу тебя, не делай так больше. К тому же, угрозы на меня не действуют.

– Какие угрозы? Ты что, спятил? – с возмущением спросила Хелли. В считанные доли секунды она подлетела к своему мужу, и схватив его за футболку – прямо как в хорошем боевике, с силой притянула к себе. Далее от неё последовало несколько коротких вопросов на французском языке. Роман на том же языке ей ответил. Ответ этот Хелли совсем не по-

направился и она выдала весьма длинную и надо полагать красноречивую тираду, потому что по её окончанию, побледневший Роман резко развернулся и ушёл в дом, громко хлопнув дверью. Дверь подозрительно хрустнула и как-то особенно жалобно заскрипела.

– О нет, – почти простонала я. – Из-за меня у всех одни проблемы.

– Проблемы сейчас у кого-то будут самые настоящие, – буркнула Хелли и тоже направилась в сторону дома.

– Она пошла его убивать, – констатировала я, с ужасом смотря на ещё раз хрустнувшую дверь.

Глеб снисходительно хмыкнул, и не обращая никакого внимания на моё сопротивление, вытащил меня из шезлонга и пересадил к себе на колени. Потом поднёс мою ладонь к губам, и нежно поцеловав её с тыльной стороны, сказал:

– Вот из-за них точно не стоит переживать, Марта. Они помирятся. Увидишь.

И действительно они помирились. Да ещё как! К счастью, увидеть этого мы не смогли, но зато очень хорошо услышали. Не прошло и получаса, как через открытое в хозяйской спальне окно до нас донеслись весьма недвусмысленные звуки их страстного примирения. Я покраснела с головы до ног пока это слушала, а вот сами примирившиеся спустя некоторое время вышли во двор как ни в чём не бывало. Глеб, заметно повеселевший от того, что с него самого все обвинения сняты и он прощён, тихонько, но с явным удовольствием

посмеивался над моим сконфуженным видом.

На обед мы единогласно решили заказать еду из ближайшего ресторана. Ехать куда-либо совершенно не хотелось. Пока мы разглядывали стремительно надвигающиеся с запада тяжёлые свинцовые тучи и решали где нам сесть обедать – на улице или в доме, тучи прохутились и начался самый настоящий тропический ливень. Обедать сели в доме.

– Ну что же, дамы и господа, хотим мы того или нет, а проблема имеет место быть, – объявил Роман, когда мы справились с закусками. – За Мартой активно следят. Но кто именно и с какой целью неизвестно.

– Как давно ты это заметила? – спросил у меня Глеб с плохо скрываемой тревогой в голосе. Актёр из него никакой, если честно.

– Да я вообще не уверена, что следят. Что вы все панику разводите?

На мой эмоциональный возглас никто не отреагировал. Даже обычно смешливая Хелли смотрела на меня сейчас серьёзно и сосредоточенно.

– О Боже мой, ладно, – сдалась я. – Примерно месяц назад это началось. Сначала в метро я стала ощущать мятные запахи и холодные сквозняки. Думала, совпадение. Но это повторялось почти каждый день. Не каждый, но часто. Спустя неделю я обратила внимание, что и на улице меня тоже преследуют эти ароматы. А я, могу вас заверить, уже очень хорошо научилась отличать запах обычной мятой жвачки от ха-

ракторного запаха инсайдера. Ну, и где-то за неделю до свадьбы Лео за мной начали следить в магазинах, кафе и других общественных местах.

– Ты пробовала рассмотреть и заметить кого-нибудь подозрительного? – спросил Роман.

– Конечно! Но как только я начинала лихорадочно оглядываться, все эти признаки – запах и холодный ветер, ментально исчезали.

Хелли чуть слышно барабанила тонкими пальцами по столу, застыв взглядом на своей пустой тарелке. Роман задумчиво покусывал нижнюю губу, очевидно прикидывая в уме возможные объяснения. Взгляд Глеба, сидящего от меня по правую руку, прожигал насквозь.

– Но это ещё не всё, – сказала я, физически ощущая нарастающее вокруг себя напряжение. – В последние дни я научилась не выдавать свою реакцию и не крутить головой по сторонам, как полоумная. Собственно, мне удалось это сделать всего пару раз. Но в обоих случаях я заметила двух мужчин. Я заглянула им в глаза, и да, это точно были инсайдеры.

– Вот дьявол. Этого я и боялся... Как они выглядели? Опиши их, – потребовал враз побледневший Глеб.

Роман кинул на него предостерегающий и очень красноречивый взгляд, не заметить который было крайне сложно. Что за тайны у них? И почему они вдруг так помрачнели?

– Ты молодец, Марта, – похвалил меня Роман. – А раньше ты их встречала?

– Не встречала.

Глеб едва заметно качнулся в мою сторону. Роман же с абсолютно бесстрастным видом продолжил задавать мне вопросы.

– Они были вместе или ты их видела по отдельности?

– Нет, по одному.

– Сможешь хотя бы примерно описать их внешность?

– Да. В первый раз это был совсем молодой темноволосый юноша, высокий, худощавый. А во второй – немного постарше мужчина, тоже темноволосый, но ростом едва выше меня.

Кажется все за столом услышали с каким явным облегчением выдохнул Глеб. Он что, боялся услышать описание внешности кого-то другого? А кого?

– Я поняла, – вдруг заявила Хелли. – Это Агата за ней следит.

Агата. А я и забыла про неё. Собственно, мы с ней и встречались-то всего однажды. Зимой. Она подкараулила меня тогда в кафе и подсев за мой столик, сначала попросила продемонстрировать ей суперспособности, ну а потом, убедившись в том, что я действительно ими обладаю, предложила сотрудничество. Позволив себе при этом довольно оскорбительные намёки на мою запутанную личную жизнь. Вообще Агата вела себя крайне высокомерно и у меня создалось впечатление, что она сама толком не знает чего больше хочет: чтобы я согласилась с ней сотрудничать, или же, наоборот, чтобы я отказалась и больше вообще никогда не попадалась

ей на глаза. Очень странная и неприятная особа. Брр...

Машинально я передернула плечами. Роман смотрел на меня изучающим, и я бы даже сказала, оценивающим взглядом. Как на подопытного кролика. Типа: выживет – не выживет? Мне абсолютно не понравился такой экспериментально-научный подход, но поворачивать голову в сторону притихшего Глеба хотелось ещё меньше. В конце концов, не выдержав всеобщего молчания, я растянула губы в естественную, по моему субъективному мнению, улыбку и спросила:

– Почему же именно Агата? Ведь я вполне доходчиво всё ей объяснила в нашу прошлую встречу. Неужели, она так сильно хочет во второй раз выслушивать мой отказ? Я в любом случае не приму её предложение.

– Не припомню, чтобы кому-либо удавалось не принять предложение Агаты и остаться при этом живым, – угрюмо заметил Роман.

Я почувствовала предательскую дрожь в своих пальцах, сердце мощно бухнуло в районе ушей и сразу сорвалось куда-то вниз. Так, надо успокоиться. Всё хорошо. Или не совсем хорошо?

– Встречалась я с ней как-то раз, – задумчиво произнесла Хелли, – давно ещё, я училась тогда. До сих пор жутко от воспоминаний. Её манера говорить, поведение, да и этот ледяной взгляд...

Дрожь в моих пальцах не унималась, и кажется, перешла на всё тело. И что мне делать? Что??

– Ну, дорогая, правильный взгляд это всего лишь психология, – мягко возразил Роман. – Я с Агатой общался неоднократно, она просто очень сильный инсайдер. К счастью, не суприм, как наша Марта. Холодная, расчётливая женщина, жёсткая, умная и лишённая какой-либо рефлексии. С прекрасным образованием. Она, безусловно, не привыкла к отказам. Хотя, я не точно выразился. Пожалуй, вернее будет так: Агата не знает, что такое отказы. И да, очень похоже на то, что инсайдерская слежка организована её усилиями. Выяснить бы ещё какие конкретные цели преследует Агата? Но, судя по динамично развивающимся событиям, это не долго останется тайной. Так что, Марта, постарайся пока быть предельно внимательной. И осторожной.

Не поворачиваясь, краем глаза я заметила, как Глеб поднялся со своего стула.

– Глеб! – я судорожно вцепилась в него обеими руками, – Глеб, ты куда? Не уходи, мне страшно. Она убьёт меня.

Он снова сел рядом, ласково пригладил мои волосы и уверенным твёрдым голосом произнёс:

– Во-первых, тебя никто и пальцем не тронет. Такого не может быть по определению. Во-вторых, я встал, чтобы принести тебе бокал вина, потому что ты трясёшься как осиновый лист на ветру. А в третьих, Марта, что я слышу? Ты боишься? Ты – и вдруг боишься?

Я смотрела на его печальную улыбку и никак не могла взять в толк, о чём он говорит. И почему он вдруг стал так

подозрительно спокоен?

– Это даже забавно, Марта, – продолжал Глеб, – выходит, что все мои смертоносные способности и почти удавшаяся попытка ими воспользоваться тебя не испугали, да? А вот существующая где-то отдалённо Агата тебя, значит, перепугала до смерти, как я погляжу?

– Да.

– Но это ведь совсем не логично!

– Не логично. Но чертовски страшно.

– А со мной тебе, значит, не было страшно?

– Было.

– И?

– И я всё равно тебя не боюсь.

– Марта, ты сведёшь меня с ума...

– Но в мои планы не входит сводить тебя с ума, Глеб. Я всего лишь люблю тебя, вот и всё.

Хелли едва слышно охнула.

– Ребята, вы такие классные, – улыбаясь, сказала она.

– Больные на голову они оба, а не классные, – проворчал Роман, но тоже улыбнулся.

Бросок кобры.

Следующая рабочая неделя у меня началась с традиционной летней битвы за офисный кондиционер. Да, есть такая древняя народная забава в московских офисах. Для начала необходимо разделиться на две команды – первая будет изнывать от наступившей по сезону жары и активно пользоваться кондиционером, а вторая станет страдать от искусственно вызванного холода и демонстративно открывать окна нараспашку при работающем кондиционере. Есть ещё дополнительные опции в этой увлекательной игре – исподтишка жаловаться начальству на плохое самочувствие из-за духоты, принести из дома затрапезного вида бумажный веер и обмахиваться им за рабочим столом, либо же громко сморкаться в носовой платок несуществующими соплями и надевать на себя самые тёплые шерстяные шапки и носки. Высший класс – спрятать пульт от кондиционера. Ну или хотя бы выковырять из него батарейки.

Игра начинается с приходом первой летней жары и заканчивается с уходом последней. В течении пары недель после окончания игры взбудораженный офисный люд ещё немного дуется друг на друга, некоторые даже мелко мстят, но по прошествии этого времени противоборствующие стороны постепенно добреют и забывают нанесённые им обиды. Вплоть до наступления следующего уровня игры, то бишь

следующего лета.

Нет, сама я в этой народной забаве уже не участвовала. По причине простой и банальной: ни холод, ни жара мне вот уже как полгода не страшны. Инсайдеры не ощущают дискомфорта от критических температур. Но ведь мои коллеги понятия не имели с кем они работают, и уж точно не в моих интересах было просвещать их на сей счёт. Так что, пришлось мне имитировать живой интерес в непростом деле борьбы за комфортную офисную температуру, в результате чего я всё равно оказалась поневоле втянутой во все эти бесконечные споры и распри.

После разговора с Ильёй Петровичем – моим начальником и директором школы иностранных языков, мы договорились, что рабочие дни у меня теперь будут только вторник, среда и четверг. Ну да, согласна, слово «договорились» не совсем подходило для нашей милой беседы. Поняв, что обычным человеческим путём прийти к компромиссу не получится, я на удивление быстро убедила себя в целесообразности небольшого лёгкого внушения.

Зрачок, пустота, и такой манящий простор для творчества...

– Взгляните на меня, Илья Петрович. Отлично. Значит так, вы почти месяц обдумывали план оптимизации рабочего времени своего персонала и наконец решили, что ваш ассистент, то есть я, будет работать всего три дня в неделю. Со вторника по четверг. С сохранением, разумеется, своей за-

рабочей платы. И премии. Премии обязательно. И нашего с вами разговора сейчас не было. Спасибо.

Весь следующий день мой замечательный Илья Петрович немного удивлялся «своему» внезапному решению, но в целом был очень польщён фактом того, насколько безропотно я это решение приняла. Стыдно мне было часа полтора, ну может два. В конце концов, производственный процесс не пострадал, а я, как и прежде, успевала сделать всё вовремя и надлежащим образом.

Зато теперь каждое пятничное утро я садилась в такси и уезжала в загородный дом Глеба. Там я не спеша занималась разными домашними делами и готовила ужин. С Ириной – помощницей Глеба, мы сразу договорились, что пятница – мой день. Не уверена, что ей пришлось по душе это однодневное вторжение в её идеальное царство порядка, но приняла она его без возражений и с обычной своей холодной сдержанностью.

К приходу Глеба я заканчивала с готовкой и просто ждала его возвращения, сидя в гостиной или на открытой веранде. Я даже не пыталась нарядиться в какое-нибудь соблазнительное платье и уложить свои непослушные волосы в изящно-небрежную причёску. Наоборот, я встречала Глеба в простой домашней одежде, забавных тапочках и с не очень аккуратно собранным конским хвостом на затылке. Он всегда молча меня целовал, долго и нежно, а я в ответ также молча покрывалась мурашками, с головы до ног. И невозмож-

но было не заметить, насколько сильно ему нравится этот незамысловатый семейный ритуал – мужчина возвращается с работы домой, а любимая женщина встречает его и кормит ужином.

В выходные мы выезжали в город на какую-либо интересную выставку, в кино или театр, иногда без особой цели бродили по старому тихому центру, и в понедельник вечером Глеб отвозил меня в Москву. Однозначно, скучно нам не было, но именно домашние пятничные вечера мы оба ждали с большим нетерпением. Они стали этакой репетицией нашего возможного счастья. Скрытым, не показным – чтобы не сглазить, дебютом нашей будущей семейной жизни. Мы с Глебом настолько сильно обожглись на прошлой неудавшейся попытке обмануть судьбу и стать счастливыми, что теперь даже говорить боялись на эту тему. Действовали по интуиции. Одним махом распоров шитую белыми нитками былую наивную надежду, мы заново ткали свою эфемерную мечту крошечными стежками из прозрачной и невесомой пряжи.

Жара в этом году нагрянула в столицу без предупреждения. Меньше, чем за сутки температура из прохладной среднестатистической превратилась в знойную африканскую. Прошедший накануне дождик только усугубил ситуацию. И если в понедельник утром сотрудники офисов спешили на работу в накинутых на плечи жакетах и пиджаках, то к утру вторника в душном московском транспорте можно было наблюдать массовый показ фривольных пляж-

НЫХ НОВИНОК.

Таким образом, подходя к нашей школе, я уже отлично догадывалась, что вторник выдастся у меня жарким. Как и у всего школьного персонала. С тем лишь различием, что они действительно изнывали от наступившего первого июньского зноя, а я всего-то играла свою роль. Сколько у меня ещё будет этих ролей? Даже представлять не хочется...

Зайдя в кабинет и включив компьютер, я села за стол, чтобы быстренько сделать пару звонков в издательства насчёт новых учебников по итальянскому языку, но тут в открытую дверь влетели Оля и Тамара Степановна.

– Нет, вы только послушайте, Марта, голубушка, – пробашила раскрасневшаяся Тамара Степановна, – что они учудили! А я ведь им сразу сказала, что успела таки заметить их хитрую проделку. А они!

Оля – худенькая девушка-студентка, работающая у нас на полставки помощником бухгалтера, согласна кивала головой, но делала это скорее по привычке. Грузная и властная Тамара Степановна числилась её начальницей, а с руководством ведь проще всегда соглашаться, ну или хотя бы делать вид.

– И тут я поворачиваю голову, а пульт исчез! Марта, вы можете себе представить подлую двуличность этих людей?

Ну, понятно. Стащили пульт. Сколько у меня было разных мест работы, а всё одно и тоже в результате. Где фантазия у

людей? Как говорится, пропал у нас дух авантюризма.

Тамара Степановна плюхнулась на небольшой кожаный диванчик, заняв сразу всё его пространство. Оля скромно присела на подлокотник. Я с трудом сдерживала улыбку, и уже хотела сказать им обоим что-нибудь ободряющее, как довольно сильный аромат мяты добрался до моего носа. Что за ерунда? Машинально подобравшись, я встала со своего стула, чтобы заглянуть через открытую дверь в школьный коридор. И услышала явный чавкающий звук. Блин, это Оля жвачку жуёт. Нет, разумеется, я давно научилась отличать эти запахи. Но не с первой секунды. Ну да, это обычная мятная жвачка. Итак нервы ни к чёрту...

Я подошла к двери и аккуратно прикрыв её, медленно обернулась к Оле.

– Оля, с сегодняшнего дня ты терпеть не можешь жвачки. Все, а особенно с ментолом. И я тебе ничего не говорила. Иди в свой кабинет.

– Марта, что это вы такое.., – начала удивлённо басить Тамара Степановна.

– Так, а вы забудьте уже про этот несчастный пульт. У вас же окна в кабинете выходят на теневую сторону. Солнце туда вообще никогда не светит. Поставьте рядом с собой вентилятор. У вас их два, я сама видела. Поставьте их с двух сторон от себя, в конце концов. И тоже идите работать, уверена, что дел у вас полно. А разговора нашего не было. Спасибо.

Секунд двадцать ещё Тамара Степановна смотрела на ме-

ня в тихой задумчивости, потом вздрогнула и поднявшись с диванчика, растерянно оглянулась.

– А что-то я Олю потеряла, – произнесла она, вопросительно глядя в мою сторону.

– Так она ушла уже в ваш кабинет.

– Да, точно, извините, Марта. Жара эта... Действует на меня. Пойду вентилятор включу.

Проводив её взглядом, я вяло подумала, что надо было бы внушить Оле принести мне стаканчик капучино из нашей школьной кафешки. И слойку с лимоном. Очень вкусные у нас пекут слойки. Свежие. Сейчас как раз должны испечь... Так, стоп! Стоп. Что это я? Пугающая лёгкость, с которой я пользовалась своими способностями, меня уже начинала тревожить. Получается, Хелли была права: затягивает и приедается. Как она сказала тогда? «Прикушивается». Вот именно.

Неприятно озадаченная своим поведением, я тяжело вздохнула и принялась за обычную офисную рутину. Однако, спустя полчаса мне позвонил запаздывающий Илья Петрович и скорбным голосом сообщил, что у него с утра сильно поднялось давление и дочь не пускает его на работу. Но пообещал мне, что как только она уйдёт из дома, он обязательно выпьет двойную дозу своих таблеток и примчится в школу. Тут уже я засопrotивлялась.

– Э, нет, Илья Петрович, так не пойдёт, – твёрдо сказала я. – У вас ещё и дорога дальняя, мало ли что может случиться,

зачем такой риск? Оставайтесь дома, ваша дочь совершенно права.

– Но, Марта, мне надо столько всего сделать. Вчера ведь документы новые пришли на аттестацию преподавателей... Эх, зачем я оставил всё на сегодня! Правда, толку от меня сейчас мало... Шумит в голове, ничего не соображаю.

– Тем более. Давайте так, я сейчас посмотрю что у вас там в документах творится и будем сегодня просто на связи. Что окажется в моей компетенции, я обязательно сделаю, а остальное вы сами завтра закончите. Как вам такая идея?

Илья Петрович немного помялся, но видимо, действительно чувствовал себя не очень хорошо, и поэтому в результате согласился с моим предложением.

Закончив разговор, я положила трубку, и с тоской подумала о том, что хоть моя рабочая неделя теперь и начинается во вторник, а не в понедельник, но всё равно день получается тяжёлым. И раньше семи часов сбежать отсюда мне точно не удастся. Ну и ладно, Глеб в любом случае вечером уедет к себе за город, да и работать ему сегодня придётся допоздна – об этом он меня ещё накануне предупреждал. Так что, вернусь домой, как получится, суетиться и спешить особого смысла нет.

В мои рабочие дни мы с Глебом жили отдельно, как и раньше – я в своей московской квартире, а он у себя за городом. Это ни в коем случае не отменяло наших дневных встреч. Например, он иногда приезжал ко мне в обеденный

перерыв и мы шли обедать в ближайшее кафе. Если он был свободен по вечерам, то забирал меня с работы, чтобы заехать куда-либо вместе поужинать или же просто погулять, после чего непременно отвозил меня домой и мы с ним прощались до следующего дня. Я не просила Глеба оставаться со мной на ночь, а он тактично не настаивал на этом. Потому как бесконечных разговоров и мучительных пререканий на тему моего скорейшего переезда в его загородный дом нам хватило ещё с прошлого раза. Теперь мы бережно охраняли окутывающее нас тихое счастье, и не раздумывая отметили всё, что может ему помешать. Мы оба искренне верили, что получили самый удачный лотерейный билет. И получили незаслуженно.

В половине восьмого я наконец выключила свой компьютер и окинув критическим взглядом не очень ровную стопку распечатанных аттестационных документов, встала из-за стола и с наслаждением потянулась. Ну вот, теперь с чистой совестью можно ехать домой. Покидав в сумку свои личные вещи, я погасила в кабинете свет, и закрыв дверь на ключ, быстрым шагом направилась к выходу. На свободе, то есть на улице, меня встретил немного душноватый, но совершенно чудесный летний вечер. Я замедлила шаг и специально пошла до метро дальней дорогой, через небольшой ухоженный сквер. Лавочки в нём были оккупированы влюблёнными парочками самых разных возрастов, ещё отцветала кое-где пышная сирень, благоухали какие-то невысокие, идеально

подстриженные кустарники, а на аккуратных круглых клумбочках царствовали розовощёкие пионы. Хорошо-то как... Усталость незаметно ушла, уводя за собой и непрекращающуюся карусель моих тревожных размышлений.

Глеб позвонил, когда я уже спустилась в метро.

– Ты что так поздно? – с беспокойством спросил он. – Я позвонил тебе домой, а там никто не отвечает. Уже почти восемь.

– Ой, Глеб, у меня сегодня был такой суматошный день. Илья Петрович слёг с давлением, вот я за двоих и работала.

– Устала, наверное?

– Немного. А ты как?

– Не устал.

– Очень смешно, – проворчала я.

Глеб в ответ довольно хихикнул.

– На самом деле, Марта, я тоже сегодня замотался. Но кажется всё идёт как надо и проект галереи будет моим.

– Ты молодец! Я же говорила, что дизайном это галереи будешь заниматься именно ты.

– Да, ты почему-то всегда в меня веришь. Но я звоню не похвастаться. Кое-что случилось.

– Что? – упавшим голосом спросила я.

– Кое-что важное. Я жутко по тебе соскучился, Марта. Просто невыносимо. Вот это и случилось.

– Ты издеваешься? Я и так вся на нервах, а ты..! – возмутилась я.

– А я просто умру, если не увижу тебя сегодня. Вот прямо сейчас пойду и скажу моим будущим заказчикам, что картины, которые они собираются выставлять в своей галерее – полное... Клянусь, они меня тут же размажут по стенке. Накинутся всей своей злобной, истеричной толпой и забьют кисточками до смерти. А потом ещё и модную инсталляцию соорудят на месте казни. Ну, так что, мне идти помирать или может я заеду? Хотя бы на часик?

Конечно, я рассмеялась. Богемная компания галеристов, как дротиками закидывающая несчастного Глеба испачканными в разноцветной краске кисточками представлялась мне очень забавным зрелищем.

– Приезжай, не надо таких жертв. Во сколько ты будешь?

– К сожалению, мне надо ещё завести смету для ребят в архитектурное бюро, но это быстро. Уверен, что через полтора часа уже буду у тебя. Это примерно к половине десятому. Нормально? Ты не уснёшь?

– Не усну. Я же не в девять вечера, как младенец, спать ложусь.

– Отлично. Тогда я помчался. До встречи, любимая.

– До встречи.

По дороге от метро до своего дома я тоже не стала торопиться. Не спеша зашла в местную кондитерскую, купила красивую коробочку с лимонной меренгой и заодно пару упаковок шоколадного пломбира. Конечно, теперь, когда Лео живёт у Насти, количество шоколадного мороженого в

нашем холодильнике уменьшается уже не настолько стремительно. Но в любом случае, уменьшается.

Поднявшись на свой второй этаж, я всё-таки вынуждена была признать, что порядком вымоталась за сегодняшний день. Ладно, время уже почти девять, сейчас приму прохладный душ, он меня слегка взбодрит, а там уже и Глеб должен приехать. Я повернула ключ в двери, открыла её, зашла в коридор, да так и осталась там стоять, даже не заметив, как из моих вмиг ослабевших рук выпал пакет с только что купленными сладостями. Лишь звук громко захлопнувшейся отсквозняка входной двери заставил меня очнуться.

Со скрещёнными на груди руками и довольной улыбкой на лице передо мною стоял Свен. Страшный Свен.

– Какого...

– И я рад тебя видеть, Марта.

С неестественно чёрными глазами и грубоватыми чертами лица, загорелый и с эффектно выпирающей мускулатурой под отлично сидящей футболкой, Свен сделал пару шагов мне навстречу и подобрав с пола упавший пакет, ушёл с ним на кухню. Я ещё секунд десять поразглядывала стену в коридоре, около которой он стоял, а потом рванула за ним на кухню.

– Что вообще... Ты что, вообще?!

– Детка, ты сегодня так красноречива.

Я с шумом выдохнула, затем медленно и очень глубоко вдохнула. Так, надо успокоиться.

– Здравствуй, Свен, – уже относительно ровным голосом произнесла я, усаживаясь на кухонную табуретку. – Позволь тебе узнать две вещи. Первая: что ты здесь делаешь? Вторая: как ты вообще попал в мою квартиру?

– Марта, я восхищён твоим хладнокровием. Так держать себя в руках, браво.

– Чёрт бы тебя побрал, Свен! – не выдержала я и схватившись за стоявшую на кухонном столе пустую чашку, замахнулась в его сторону.

Свен мгновенно перехватил мою руку и весьма болезненно нажав на какую-то точку в районе запястья, заставил пальцы разжаться. Чашка выпала, глухо стукнулась об пол, но не разбилась.

– Что тебе надо? – устало спросила я.

– Не что, а кто. Мне нужна ты, Марта. И не надо закатывать глаза с таким мученическим видом. Ну, всё, извини, это я перегнул палку. Больше не буду.

– Не будешь, что? – язвительно уточнила я. – И ты не ответил на мои вопросы. Давай начнём с этого.

– Как скажешь, дорогая...

– Не называй меня так, – перебила я, злобно сверкнув глазами в сторону Свена.

Он хитро прищурился, уже открыл рот, но сдержался и промолчал. К счастью, промолчал.

– Ну, так что? Я с нетерпением жду твоих объяснений, Свен.

– Отвечу сначала на второй вопрос. Не поверишь, но вламываться в твою квартиру я вовсе не планировал. Меня спровоцировала твоя соседка, Аида как-то её там. Такая модная старушенция с волосами оттенка «вырви глаз» в бодрых рыжих тонах. Милая дама. Спросила кто мне нужен и получив ответ, сообщила о тебе, Марта кучу интересной информации. Клянусь, я даже не успел ей что-то внушить. Рассказала сама. По каким дням ты дома, по каким отсутствуешь. Находка для шпиона просто! Но вот когда, эта Аида проболталась, что у неё имеются ключи от твоей квартиры, тут уж, извини, дорогая, удержаться я не смог. В общем, она любезно открыла мне твою дверь и так же любезно забыла об этом недостойном её эпизоде. Вот так я и попал сюда.

– Это Аида Львовна, моя соседка, – с досадой произнесла я. – Она давняя подруга моей мамы. И да, у неё действительно есть запасной комплект ключей от этой квартиры.

– Люблю общительных соседей. Такой кладёзь информации.

– Ладно. А второй вопрос? Зачем, Свен, ты сюда заявился?

– Чтобы рассказать то, что мне удалось узнать о твоей бабушке, Марта.

Я уставилась на Свена с совершенно ошарашенным видом и даже увидела как бы со стороны свою отвисшую челюсть.

– Чего? – охрипшим голосом переспросила я.

– Твоя бабушка Ханна. Именно с неё началась вся эта

неприятная история, в которую теперь вовлечена не только ты, но и крайне неприятная особа по имени Агата. К сожалению, тебе уже хорошо известная, – ответил мне мигом по-серьёзневший Свен.

Кое-как переварив полученную информацию, я молча встала с табуретки и подошла к окну. Взглянув на стремительно темневшее после захода солнца летнее небо, я опустила взгляд вниз и увидела как Глеб заходит в мой подъезд.

– Твою мать! – воскликнула я, отпрыгнув от окна словно ошпаренная.

– Ты чего? – с недоумением спросил Свен.

– О, Боже мой, я совсем забыла сколько времени, сейчас Глеб придёт, он уже поднимается, о, нет, – запричитала я, наматывая круги по нашей не очень, в общем-то, большой кухне.

– Ну и хорошо, я бы с ним тоже поговорил.

– Ты с ума сошёл?! Он убьёт тебя, когда увидит здесь. Надо тебя спрятать. Лезь в шкаф, – не особо раздумывая, заявила я, обеими руками выталкивая неповоротливого Свена из кухни.

– Марта, успокойся, прошу тебя.

В этот поистине драматический момент в дверь позвонили, и я с удвоенной силой потащила Свена в сторону гостиной. Но тут меня осенило и я радостно воскликнула:

– Прыгай с балкона! Здесь же второй этаж, даже обычному человеку ничего не будет.

– Хорошо, так и сделаю, – ровным, успокаивающим голосом, пообещал Свен, – а ты иди пока открывай дверь.

Я послушно рванула в сторону двери, открыла её и в мою несчастную голову пришли сразу две ужасные догадки. Во-первых, Глеб в любом случае заметит присутствие другого инсайдера по оставшемуся резкому ментоловому аромату. И, во-вторых, Свен даже и не подумает прятаться, а уже тем более прыгать с балкона.

Дальнейшие бурные события происходили, наверное, в течении одной минуты, не более.

Глеб потянулся ко мне, чтобы поцеловать, но вдруг резко дёрнулся и через секунду я уже оказалась надёжно спрятанной за его широкой спиной. В коридор вышел Свен. Спокойный, с равнодушной улыбкой и ледяным взглядом. Правую свою руку он как-то странно отвёл назад. О чём я сразу подумала? Разумеется, в памяти мгновенно всплыли кошмарные подробности о той жуткой драке, свидетельницей которой мне довелось быть примерно год назад. Поломанная на куски мебель, вмятины на стене от мощных, не человеческой силы ударов, настоящее звериное рычание, от одного звука которого стыла кровь, и Свен, хладнокровно достающий из кармана свой нож. Ну, и что я должна была думать сейчас? Да я и не думала, в общем-то...

Бросившись вперёд, я умудрилась оттолкнуть в сторону Глеба и с диким криком навалилась на Свена. Вряд ли они оба были готовы к такому моему поведению. Глеб попытался

поймать меня, чтобы я не упала, но не успел, и я рухнула прямо на порядком растерявшегося Свена. Фактически я его сбила с ног. Если не силой, то внезапностью уж точно.

– Проклятье, Свен! – со смесью досады и злости воскликнул Глеб.

– Марта, дорогая, – проворковал лежащий на спине Свен, – тебе лучше слезть с меня, пока этот придурок не подумал чего-нибудь предосудительного.

– Не называй его придурком, – огрызнулась я, не без труда пытаюсь подняться на ноги. Видимо, во время своего феерического броска я сильно ударилась коленкой и наступать на левую ногу было теперь ощутимо больно.

– Осторожно, Марта, я тебе помогу, – Глеб ловко подхватил меня под мышки и аккуратно поставил на ноги. – Болит? Нога? Покажи где.

Я охнула и поняла, что вообще не могу опереться на левую ногу. Боль нарастала и становилась почти нестерпимой. Успокаивало только одно: после большинства ран и травм инсайдеры восстанавливаются крайне быстро. Но болевой синдром, по крайней мере в первые минуты, а то и часы, увы, никуда у нас не девался.

– А вдруг это перелом? – жалобно всхлипнула я. – Вообще наступить не могу.

Глеб осторожно прощупал сквозь тонкую ткань моих брюк начавшую опухать коленку, потом нежно поцеловал меня в лоб и решительно заявил:

– Снимай брюки. Надо посмотреть.

– Так отнеси меня в комнату, не здесь же мне раздеваться. А куда Свен делся, кстати? – с недоумением я pokrутила головой. – Он что, ушёл?

– Он на кухне, ставит чайник, – нехотя сообщил Глеб.

– Господи, – только и пробормотала я.

Через пять минут тщательного осмотра пострадавшей ноги, Глеб вынес вердикт, что больной скорее жив, чем мертв.

– Это точно не перелом? – с сомнением спросила я его. – Болит так, жуть.

– Боль сейчас пройдёт, Марта, вот увидишь. Ты просто очень сильно ударилась и скорее всего потянула связки. Завтра к утру будешь как новенькая. А пока постарайся не тревожить ногу.

Я угрюмо кивнула, и обвив шею Глеба руками, прошептала ему на ухо:

– Я испугалась за тебя. Я подумала, что Свен снова... Как в тот раз, в яхт-клубе, помнишь?

– Конечно, помню, – прошептал в ответ Глеб. – Но Марта, ведь так нельзя. Ты слишком рискуешь. И совсем не думаешь о себе. Где твой чёртов инстинкт самосохранения, а? Но, знаешь, за меня никто ещё так не боялся... Марта, любимая, ты сведёшь меня с ума.

– Сведу, будь уверен.

На кухне демонстративно звякнули чашками. Глеб тихонько выругался.

– Ладно, давай отнесу тебя, – сказал он и аккуратно поднял меня на руки.

Свен действительно не только поставил чайник, но и сервировал как мог стол для чаепития. Правда, почти половину купленного мною меренгового рулета он уже съел и теперь просто сидел на табуретке у окна, как обычно, скрестив на груди руки.

– Да-а, Марта, – протянул он, как только Глеб опустил меня на стул, а сам встал рядом. – Это был настоящий бросок кобры.

Я нахмурилась. Свен продолжил:

– Ты, позволь поинтересоваться, с какой целью так сиганула на меня? Вот честно, я много чего повидал за свои сто с лишним лет, но такого мощного прыжка, да ещё и от слабой, хрупкой женщины... А ты бы видела своё свирепое выражение лица в этот момент! Меня теперь замучат ночные кошмары.

– Ну, хватит, – попросила я. – Разве ты не видишь, что я даже ходить не могу. Мне не до твоих дурацких шуток, поверь.

– Не переживай, это всего лишь ушиб и скоро станет легче. Если бы был серьёзный перелом, то я бы услышал характерный хруст. Ты же, детка, приземлилась чётко на меня. Мягкая посадка.

– Замолчи уже, а? – проговорил Глеб с предостерегающими интонациями в голосе.

– Кстати, Глеб, ты ни за что не догадаешься, что предложила мне Марта, пока тебя здесь не было.

– Я не хочу этого знать, – уже угрожающе ответил Глеб.

С ужасом уставившись на хитро прищуренные глаза Свена, я безуспешно старалась вспомнить детали нашего с ним разговора. Но кроме тупой ноющей боли в левой коленке ни о чём другом думать у меня не получалось.

– А я всё равно скажу. Она предложила мне спрятаться в шкаф. Не, правда. Марта увидела тебя в окно и проворно потащила меня к шкафу. Ещё был вариант сигануть с балкона. Тоже её гениальная идея, кстати. Ты вообще никогда не интересовался её прошлым, Глеб? Такой ловкий подход к делу и отличная сноровка появляются ведь только с соответствующим опытом. Уверен, что у Марты было много подобных прецедентов и со шкафами, и с балконами. И вообще, знаешь...

Договорить Свен не смог – мощный, крепкий кулак Глеба приземлился чётко на уровень его переносицы. Теперь уже мы все услышали характерный хруст.

– Что на него нашло, не понимаю, – в шоке пробормотала я, глядя на свалившего на пол Свена.

– Да он всегда таким был, – процедил сквозь зубы Глеб.

Нет! Нет. Он не был таким. Со мной он никогда себя так не вёл. Да, все эти его пошловатые намёки и фривольные штуки имели место быть, но вот таких низких, оскорбительных нападок Свен никогда себе не позволял. Не позволял

пока был со мной. Тогда зачем он сейчас всё это сказал?

Я попыталась приподняться, чтобы взглянуть на по-прежнему неподвижное тело Свена, но неудачно наступила на больную ногу, и поморщившись, вернулась в прежнюю позу.

– Что-то он долго лежит, – с беспокойством заметила я.

– Да, и крови натекло многовато, – добавил Глеб.

– Хочешь, я тебе объясню, что тут происходило?

– Не надо. Я и сам могу рассказать как всё было. Ты пришла домой, Свен либо уже был здесь, либо заявился следом за тобой. Ты увидела как я захожу в подъезд, испугалась за меня и попыталась спрятать его. Угадал?

– Да.

– Какой я, оказывается, способный, – мрачно пробормотал Глеб.

– Он сказал, что смог узнать некоторую информацию про мою бабушку Ханну. И вся история оказалась связанной с этой мерзкой Агатой. Понимаешь? Ему удалось что-то выяснить.

– Я догадывался об этом. Догадывался, что Свен будет искать информацию о Ханне. Честно говоря, Марта, я тоже пытался копать в ту сторону. Пытался выйти на инсайдеров, которые хотя бы теоретически могли иметь отношение к тем давним событиям. Не хотел тебе говорить и заранее обнадеживать – понимал, что вряд ли смогу что-либо найти. Уж слишком таинственная получилась история с Ханной, даже для инсайдеров. Но надо честно признаться, что у ме-

ня оказалось гораздо меньше возможностей добывать сведения, чем у этого придурка... Кстати, надо бы его поднять. Всё же он теперь носитель ценной для нас информации, как ни крути.

Глеб небрежно потыкал носком своего ботинка распротёртое на полу тело. Тело не отреагировало. Тогда Глеб присел на корточки рядом с ним и попытался заглянуть в залитое кровью лицо. И тут же рухнул рядом, получив прямой удар в челюсть. Зато Свен поднялся. Как ни в чём не бывало он сел на табуретку и с шумом отхлебнул остывший чай из своей чашки, оставляя на ней жуткие кровавые разводы.

– Марта, дорогая, подай мне салфетки, а то я испачкаю тебе всю посуду, – сказал он, внимательно разглядывая измазанную кровью чашку.

– Боже мой, это никогда не закончится, – простонала я, закрыв руками своё лицо, – сил моих нет.

– Ну брось, что ты? Сил нет сейчас у Глеба. Но все мы знаем, что через пару минут они у него снова появятся. Надо бы и ему салфеток оставить, пригодятся.

– Зачем ты приехал? Всю информацию ты бы мог спокойно рассказать мне по телефону. В конце концов, прислать на мою почту. Тебе просто захотелось наговорить кучу гадостей, глядя мне в лицо?

– Извини. Я не хотел оскорблять тебя, – посерьёзневшим голосом произнёс Свен.

– Не хотел, но оскорбил. Что на тебя нашло?

– Видишь ли, мне почему-то пришла в голову крамольная мысль, о том, что я смогу держать себя в руках. Смотреть на вас с Глебом и оставаться при этом совершенно равнодушным. А вот и не смог, – Свен развёл руками и грустно улыбнулся своими окровавленным ртом. – По правде говоря, Марта, меня просто добил этот твой бросок кобры. Такая готовность к жертвам. Ведь с Глебом бы ничего страшного не произошло, даже если бы я пару раз пырнул его ножом. Ты же именно этого испугалась, я угадал? Но куда там! Ты не раздумывала ни секунды... Неужели он стоит таких жертв, Марта?

Я не ответила. Усталость за весь сегодняшний суматошный день вдруг навалилась на меня неподъёмной ношей. Она будто бы прижимала меня к земле, не давая пошевелиться. Нога теперь почти не болела, только лишь немного ныла в районе коленки, и наверное, я бы уже смогла на неё наступить, но сил на то, чтобы подняться у меня не осталось совсем.

Глеб очнулся, и потирая челюсть, присел рядом со мной.

– Как нога? – спросил он.

– Лучше.

Он молча кивнул, окинул взглядом кучу окровавленных салфеток, лежащих на столе и повернулся к Свену.

– Ну чего, продолжать будем? – спросил он. – Если да, то лучше выйти на улицу, здесь тесновато и много посуды. А если ты готов вести себя адекватно, то предлагаю попробо-

вать поговорить.

– Я сюда и приехал говорить, вообще-то, – почти обиженно ответил Свен. – Это вы с Мартой пока что ведёте себя слегка неадекватно. Одна бросается как ненормальная, второй нос ломает.

– У тебя что, нос сломан? Так надо его вправлять наверное? – забеспокоилась я. – Или он и так нормально срастётся?

– Давай вправлю, – язвительно предложил Глеб.

Свен одарил его красноречивым взглядом, и спросив у меня, где можно взять какое-нибудь полотенце, ушёл в ванную комнату.

– Значит будем пить чай, – бесстрастно заявил Глеб и включил чайник.

Ни пить, ни есть мне абсолютно не хотелось. А от вида крови ещё и начало подташнивать.

– Слушай, Глеб, я просто не в состоянии сейчас что-то обсуждать и тем более вникать в новые детали. Мне жутко интересно узнать, что именно произошло тогда с моей бабушкой. И уж, конечно, я хочу знать, почему за мной следит Агата, но...

– Ты полностью выдохлась, я вижу. Давай я отнесу тебя в спальню. Поспишь и наберешься сил, а завтра всё обсудим.

– А как же он? – я вопросительно кивнула в сторону ванной комнаты, из которой доносился шум льющейся воды.

– А мы с ним пока поговорим. Он расскажет мне, что ему

удалось выведать.

– Ты уверен? Как-то с разговорами у вас не складывается.

– Не переживай. Свен не настолько глуп, чтобы бить меня просто так, да ещё и без свидетелей, – с кривой усмешкой сказал Глеб.

– Ну, не знаю... Правда, и от меня сейчас толку никакого. Ладно, пусть будет по-твоему, – нехотя согласилась я.

Встать самой у меня не получилось, боль вернулась как только я попыталась наступить на ногу. Но уже не такая резкая. Глеб донёс меня до спальни, ещё раз осмотрел мою колёнку и помог переодеться.

– Ты ведь останешься сегодня? – спросила я.

– Конечно. Ты же не думаешь, что я оставлю тебя тут одну, пока рядом рыскает Свен.

Мы оба неловко усмехнулись.

– Вряд ли он будет с тобой долго болтать, – заметила я. – Скорее всего у него какой-нибудь ночной или ранний утренний рейс обратно с Стокгольм.

– Он сейчас живёт в Петербурге.

– Вот как? – удивилась я. – А почему?

– Вроде как по рабочим делам его туда отправили. Примерно месяц назад. Подробности не знаю. Мне самому случайно удалось это узнать, пока разыскивал информацию о Ханне.

– Понятно.

– Тебе что-то ещё принести? Вода здесь у тебя есть?

– Да, всё есть. Спасибо. Извини, что так вышло...

– Не извиняйся. И выпипись хорошенько. Если что, зови меня, ладно?

– Да, обязательно.

Глеб наклонился, чтобы поцеловать меня в губы, но едва прикоснувшись ко мне, тут же ойкнул и отстранился.

– Забыл про челюсть, – с глупой улыбкой сообщил он.

– Болит? – посочувствовала я.

– Марта, с тобой у меня ничего не болит. Даже, если я буду помирать от страшных ран, я всё равно про них забуду, как только захочу тебя поцеловать.

Его сильные руки стиснули меня в крепких объятиях, я втянула носом насыщенный аромат ментола и замерла. Радуга в моём сердце мерцала и переливалась всеми оттенками любви и нежности. Остаться бы в этом разноцветном мгновении на всю жизнь... Однако дурацкая необходимость периодически дышать всё-таки вернула меня на землю.

– Глеб, ой, раздавишь, – пискнула я.

– Прости, – прошептал он, мгновенно ослабив хватку. – Не отпускал бы тебя вообще никогда... Приятных снов, Марта. Люблю тебя.

– И я тебя.

Глеб быстро разобрал мою постель, и удостоверившись, что я со своей негнушейся ногой устроилась в кровати удобно и комфортно, вышел из комнаты. Стремительно проваливаясь в сон, я некоторое время как бы со стороны наблюда-

ла несвязный калейдоскоп вспышек-впечатлений от прошедшего дня – дорога на работу в душном московском транспорте, непрекращающаяся офисная борьба за кондиционер, смешная Тамара Степановна, которой я внушила пользоваться двумя вентиляторами сразу, звонок моего начальника, куча непонятных аттестационных документов, дорога домой через благоухающий скверик, звонок Глеба, покупка лимонной меренги, встреча со Свенем, идиотский наш с ним диалог, моя попытка защитить Глеба и пострадавшая при этом коленка, залитое кровью лицо Свена, его пронизанные болью слова, его глаза с наглухо запечатанной, спрятанной и позабытой надеждой...

Не серые будни.

Проснулась я за десять минут до звонка будильника. С минуту я подглядывала одним глазом за светившем из-за тонкой шторы жизнерадостным солнцем. Какие всё же ранние сейчас рассветы... Реальность вернулась ко мне как только я заметила ноутбук Глеба, оставленный на кресле. Произошедшие за вчерашний вечер события пронеслись в моём мозгу со скоростью света, я в один момент спрыгнула с кровати, накинула халат и открыв дверь из спальни, прислушалась. Тишина. Что ж, надо идти.

По пути на кухню я заглянула в бывшую комнату Лео и в гостиную, обе были пусты. Где Глеб? А Свен? Он уехал ночью? Удалось им поговорить?

Глеб нашёлся на кухне. Он спал, уронив голову на скрещённые на столе руки. Свена не было и здесь. Я тихо вышла. Наверное Глеба надо разбудить, обычно он уезжает на работу около восьми утра, сейчас уже семь. Потоптавшись в коридоре, я на всякий случай заглянула в ванную комнату. О том, что вчера здесь был Свен напоминало аккуратно сложенное на полу полотенце, всё в засохших пятнах крови. Я двумя пальцами подняла его, прикидывая, что сделать проще – забросить в стиралку или сразу выкинуть. Вздохнув, понесла полотенце в мусорное ведро на кухню.

Глеб вздрогнул, когда я слишком громко хлопнула двер-

цей шкафчика, но не проснулся. Бедный, даже жалко его будить. Напрыгался он со мной. И ещё как напрыгается, судя по всему... Эх...

Едва касаясь, я провела пальцами по его волосам, потом прикоснулась губами к макушке. Глеб снова вздрогнул, промычал что-то невразумительное и открыл глаза.

– Марта...

– Доброе утро.

– Доброе. Как твоя нога?

– Ой, точно, нога. А я и забыла про неё.

Глеб сонно улыбнулся, глядя на мои неуклюжие попытки попрыгать на пострадавшей вчера левой ноге.

– Вообще ничего не чувствую, – с восхищением прокомментировала я. – То есть, ногу чувствую, а боль совсем нет. Класс! Слушай, как круто!

Напрыгавшись, я присела на соседний стул.

– Ну, как вы вчера? Как всё прошло? Давно он уехал? Рассказал тебе что-то действительно ценное? – постаравшись сдержать волнение, спросила я.

– Свен уехал всего пару часов назад. Мы всю ночь с ним разговаривали. Он, бесспорно, мерзавец ещё тот. Но знаешь, Марта, ему удалось откопать массу ценной информации. Как он это сделал, одному дьяволу известно, но он это сделал.

– И?

– И не так уж плохи наши дела. Но могло быть и лучше.

Я судорожно сглотнула. Улыбнуться не получилось.

– Рассказывай.

– Давай сделаем так, Марта, – сказал Глеб, поглядывая на часы. – Собирайся пока спокойно на работу, а я тебя подвезу и по пути всё расскажу. Хорошо? А то точно опоздаешь, если мы с тобой прямо сейчас начнём всё обсуждать.

– Хорошо. А тебе самому разве не надо спешить?

– Надо. Но мне всё равно придётся заехать домой и переодеться. У меня сегодня важная встреча с заказчиками, а вид у меня так себе. Подозреваю, что они не оценят засохшие пятна крови на моей мятой рубашке.

Грустно улыбнувшись, я согласно кивнула головой и побрела в свою комнату. Легко сказать «спокойно собирайся». Где тут спокойствие-то взять? И чего там Свену удалось выяснить, а?

С трудом запихнув в себя половину крошечного бутерброда с сыром и отхлебнув несколько глотков кофе с молоком, я объявила свой завтрак законченным. Глеб только укоризненно покачал головой, но он и сам отлично понимал, что мне сейчас не до еды.

Солнечное летнее утро за окном радостно сияло и сверкало, но всё равно обещало через пару часов превратиться в знойный и душный день. Облачившись в любимую хлопковую юбку, я почти не глядя выудила из своего шкафа первую попавшуюся летнюю блузку, окинула беглым взглядом себя в зеркале и поспешила на улицу, где меня уже ждал Глеб. Запрыгнув в его огромную Хонду, я пристегнула ремень без-

опасности, выдохнула и зачем-то зажмурив глаза, решительно скомандовала:

– Ну, рассказывай. Я готова.

– Да уж. Вижу, как ты готова, – прокомментировал Глеб, ухмыльнувшись.

Лавируя между припаркованными у подъездов автомобилями, мы выехали из двора и с трудом влились в плотный поток ползущих в сторону центра машин.

– Я буду краток и опущу красочные подробности того, насколько нереально сложно было Свену добыть эту информацию, – начал Глеб. – Итак, просто факты. Факт номер один. Шестидесятые годы прошлого века. Твоя бабушка Ханна встречает некоего молодого человека и влюбляется в него. А он отвечает ей взаимностью. Какое отчество у твоего отца, Марта?

– Алексеевич. А что?

– А то, что звали молодого человека Алексей. Свен показал его фотографию...

– Да? Она у тебя? А как Свен её откопал?

– Нет, у меня её нет. И тебе лучше не знать какими методами пользовался Свен, чтобы её откопать. Хотя, ты и так можешь догадаться. В общем на фото – молодой мужчина с приятной, интеллигентной внешностью. Уверен, он, определённо, пользовался успехом у женщин. Но надо полагать, что именно с Ханной он был искренне счастлив. Увы, они оба не догадывались о том, что отведённые им часы этого самого

счастья весьма и весьма ограничены. Как думаешь, почему?

– Я уже боюсь что-либо предполагать.

– Понимаю. Тогда переходим к факту номер два. По воле злого рока небезизвестная нам Агата тоже оказывается знакома с этим Алексеем. Где и как они умудрились познакомиться – загадка. Но она тоже в него влюбляется. Такая вот насмешка судьбы... Твоя бабушка Ханна, как и Агата, была инсайдером, однако она всячески старалась это скрывать и вообще отчаянно пыталась жить обычной жизнью простого человека. Каким, собственно, и являлся несчастный Алексей. Отсюда следует факт номер три.

– Боже мой, Глеб, сколько ещё этих кошмарных фактов?

– Немного. Да ты скорее всего и сама уже понимаешь как пошло дело дальше?

– Не хочу понимать. Но догадаться не сложно, ты прав.

– Согласен. Вернёмся к третьему факту, который гласит следующую непреложную истину: Агата отказов не терпит. Сначала она, надо отдать ей должное, пыталась решить вопрос чисто по-женски, без привлечения своих суперспособностей. Но вот незадача, банально увести Алексея от соперницы ей не удалось. Полный провал. Мало того, за это время у него родился от Ханны ребёнок – твой отец, Марта. Да Агата была в бешенстве! Такое неслыханное для неё унижение, я могу только представить, как она была оскорблена... Именно в тот период Агата и спланировала все дальнейшие трагические события. Уверен, что она подошла к этому во-

просу со всей возможной тщательностью, трезвым умом и уже холодным сердцем. И она не торопилась, она смаковала свою месть.

– Я убью её, – мрачно пообещала я, отвернувшись в сторону окна.

– Вот! Женская логика. Не поверишь, но тоже самое тогда решила и Агата, – с кривой ухмылкой сказал Глеб.

– Ирония здесь не уместна, – холодно произнесла я.

– Прости. Я погорячился, прости.

– Принято.

– Факт номер четыре. Агата организовала идеальный несчастный случай с Алексеем. Его сбил грузовик, когда он шёл на работу, насмерть. По понятным причинам подозрений ни у кого не возникло, а Ханна осталась одна, с двухгодовалым сыном на руках. И, конечно же, она прекрасно знала чьих рук это дело. Нет, она не обладала даром ясновидения, всё оказалось намного проще. И страшнее. Агата сама ей об этом рассказала. Судя по тем документам, что нашёл Свен, спустя неделю после похорон Агата заявила к Ханне домой и призналась в содеянном. Зачем она так поступила, я не знаю. Но уж точно не из-за раскаяния. Может остановимся, Марта? Время ещё есть. Я куплю тебе кофе, вон кофейня недалеко. А?

– Нет, я в порядке, – прошептала я.

– Конечно, ты не в порядке, – недовольно возразил Глеб. – Ладно, продолжим. Собственно, я уже почти всё тебе рас-

сказал. Последний факт – номер пять. После смерти Алексея Ханна потеряла всякий смысл жизни. Даже собственный маленький ребёнок был не в силах её отвлечь от случившейся трагедии. Она пыталась покончить собой. Свену удалось найти соответствующую запись в одной из московских больниц, куда привезли Ханну после неудавшейся попытки самоубийства. Ты же понимаешь, что инсайдеру не так просто распрощаться с жизнью.

– Не только понимаю, но и знаю, и ты сам мне это наглядно продемонстрировал, – вставила я, вспоминая недавние события.

– Ну зачем ты так...

– Извини. Сорвалось.

– Ну что ж. Тоже принято.

– Извини, Глеб, правда. Давай дальше.

– Давай. В общем, после этой попытки Ханна, очевидно, передумала убивать себя и сосредоточила всю свою ненависть на Агате. Конкретно что и как она делала мы уже никогда не узнаем. Однако известно, что Ханна писала бесконечные письма-обвинения для начальства Агаты, в которых подробно расписывала все её злодеяния. Эти бумаги и нашёл Свен. Наивная Ханна считала, что таким примитивным способом сможет той навредить. Но навредила только лишь себе. Свен нашёл пару документов – своего рода докладных, в которых Агата объясняла своему начальству целесообразность «устранения неадекватного инсайдера Ханны».

– Я помню, ты мне рассказывал о подобных случаях, – глухо произнесла я.

– Да, рассказывал. Но ведь ты и сама, Марта, прекрасно понимаешь, что инсайдер, не владеющий собой – страшное и непредсказуемое оружие. Другое дело, что Ханна таковой на самом деле не являлась. Это Агата навешала на неё ярлыки и выставила в неприглядном свете. Именно с её подачи другие инсайдеры восприняли Ханну, как окончательно сошедшую с ума женщину, мечтающую о кровавой мести и не отвечающую за свои действия.

– И Агате поверили?

– Ещё как поверили. Она всегда умела донести свою точку зрения до собеседника. Благодаря чему, наверное, и стала одним из самых влиятельных инсайдеров. Но по человеческим качествам, Марта, она и в подмётки не годилась твоей бабушке Ханне. Я в этом уверен.

– Спасибо.

– Ну что ты, – Глеб ласково погладил меня по руке и легонько сжал мою ладонь в своей. – В принципе, Марта, это всё. Остальное тебе в общих чертах известно от своего отца. Якобы смертельную болезнь у Ханны инсценировали. Её быстренько забрали в больницу, вкололи там лошадиную дозу мощных транквилизаторов и на следующее утро сообщили родным о её внезапной смерти от тяжелой сердечной недостаточности. Ты знаешь, что твоему отцу тогда только исполнилось пять лет и воспитывать его взялась мать Хан-

ны – твоя прабабушка Марта. После похорон к ней периодически навевались, предупреждали, внушали, чтобы она молчала о своих догадках – а они у неё, несомненно, были. Уверен, что и за твоим отцом следили, чтобы вовремя определить станет ли он сам инсайдером. Но к счастью для него, он им не стал.

– Зато стала я. Да ещё супримом. Вот радость-то для Агаты была, когда она узнала, – угрюмо сообщила я и тут до меня наконец-то дошёл весь трагикомизм этой ситуации.

– Чёрт побери! – воскликнула я. – Агата с меня живьём не слезет. Я же для неё теперь как постоянное напоминание о прошлой неудаче. Ханне она отомстила по полной, забыла, успокоилась, а тут я такая нарисовалась... Какой ужас, Глеб.

– Ну, не будем драматизировать. Но ты права, Агате не позавидуешь. С одной стороны, она страсть как хочет занять тебя в качестве сообщника – сильного и талантливоего, хотя отлично понимает, что твоя сила может стать и для неё опасной. А с другой стороны, она не может не помнить о своём катастрофически провале на любовном фронте и ненавистной Ханне, которую посмел выбрать её возлюбленный. Но, как видишь, свои растоптанные чувства она готова забыть, ради банальной выгоды. Страшный человек, на самом деле.

Несколько минут мы ехали молча, потом я повернулась к Глебу и шмыгнув носом, проговорила:

– Спасибо. Спасибо за твою тактичность и деликатность. Я догадываюсь, что Свен, рассказывая эту историю, пользо-

вался более циничными выражениями и уж точно не приукрашал сомнительные детали.

Глеб не ответил, но я видела, что мой комментарий пришёлся ему по душе. Определённо, пришёлся.

Мы проехали большую часть пути и до моей работы оставалось всего ничего: преодолеть пару небольших по московским меркам пробок, но меня никак не отпускала одна деталь в услышанном только что рассказе – странная несостыковка.

– Всё-таки не могу понять кое-что, – сказала я, – вот объясни, почему Агата просто напросто не внушила этому Алексею безумную любовь к себе? Он бы прожил недолго, да, максимум через год сошёл бы с ума и лишил себя жизни. Такова участь всех жертв сильных внушений, я знаю. Но он бы любил только Агату. Разве не этого она добивалась? Зачем она всё усложняла? Инсценировка несчастного случая... Какой смысл?

– Для тебя смысла нет. А для Агаты это и есть смысл. Я же упомянул об этом ещё в начале нашего разговора, помнишь? Агата не знает и не терпит отказов. Её бы не устроила искусственно вызванная любовь. О, нет, Марта, она слепа совсем из другого теста. Уж не знаю насколько были сильны и искренны её собственные чувства к Алексею... Мне, честно говоря, в них вообще верится с трудом. Однако, в любом случае, чувство мести у Агаты оказалось сильнее и долговечнее. Да и репутация у неё, знаешь, соответствующая...

Мягко говоря, она не сильно переживает из-за расставаний со своими возлюбленными и весьма быстро находит им замену. Надеюсь только, что она не всех их потом убивает, – заключил Глеб с презрительной ухмылкой.

– Свен говорил, что Агата была его любовницей. Давно. И она сама мне на это недвусмысленно намекала при нашей с ней встрече.

– Я в курсе, Свен мне тоже об этом поведал, – сухо ответил Глеб. – Что ж, не удивительно, два сапога пара.

Вот кто меня за язык тянул? Глупость моя просто не знает границ.

– Думаешь, Агата снова выйдет на меня в ближайшее время? – поспешно сменила я тему разговора.

– Я не думаю, я знаю, – со вздохом ответил Глеб. – Ну, вот мы и приехали. И даже вовремя. Беги на работу, а то опоздаешь.

– Да, надо идти, – подтвердила я с неохотой. – Спасибо тебе большое.

– Не за что. Я всего лишь пересказал. Вся информацию добыл Свен.

– Спасибо за то, что ты с ним поговорил.

– Тут ты права. Он последний, с кем бы я добровольно стал разговаривать.

Я молча прислонилась к плечу Глеба и потёрлась носом о его рубашку. А что здесь говорить?

– Марта, если тебе интересно, то ровно через одну минуту

начнётся твой рабочий день. Хотя, ты ведь не обязана туда идти. Хочешь, поедем отсюда?

– Нет, – встрепенулась я. – Меня там ждут. Расслабляться нельзя.

– Ок. Я вечером заеду за тобой, хорошо?

– Конечно, заезжай. К шести успеешь?

– Успею. И я бы сходил куда-нибудь поужинать потом. Ты как, не против?

– Я только за. С тобой куда угодно, ты же знаешь. Даже в крутой итальянский ресторан, с открытой летней верандой, где подают качественные морепродукты и правильно охлаждённое просекко.

Глеб улыбнулся, неожиданно легко и даже как-то по-мальчишески.

– Хм, Марта, а мне нравится ход твоих мыслей.

– Тогда до вечера.

– До вечера, любимая.

– И удачи тебе на переговорах.

– Спасибо!

Выйдя из машины, я помахала Глебу рукой, и направилась в сторону школы.

Я знала, что у него сегодня решающая встреча с потенциальными заказчиками по поводу проекта новой галереи. Знала, что для него этот проект очень важен – он давно мечтал создать с нуля интерьер модного выставочного пространства, и вот теперь такая возможность предоставилась. Ко-

нечно, первым делом я поинтересовалась у Глеба, почему он, собственно, не хочет облегчить себе задачу и просто внушить заказчикам кому из претендентов они должны отдать своё предпочтение. Но он вдруг настолько эмоционально и увлечённо стал описывать мне подробности своего творческого замысла и все мельчайшие детали интерьера будущей галереи, которые должны идеально вписаться в общую эргономичность арт-пространства, что я сразу поняла, насколько принципиально для него получить заказ без привлечения своих суперспособностей. Глеб – первоклассный профессионал, и этим волевым решением он ещё раз подтвердил свой статус. Не зря же на международных архитектурных и дизайнерских конкурсах ему присуждали призовые места. И ещё будут присуждать, я уверена.

Правда, за те несколько месяцев, что последовали за нашим с ним трагическим разрывом, Глеб успел существенно испортить свою профессиональную репутацию. Он тогда вообще забил и на будущих заказчиков, и на уже существующие проекты. К тому же он в одностороннем порядке разорвал контракт с Школой архитектуры и дизайна, где должен был в течении года читать лекции. И где, когда-то работала я. Какие-то из потерянных связей Глеб восстановил, используя свои способности. Что-то удалось поправить без привлечения всякой инсайдерской мистики. Но конкретно за этот проект будущей галереи он вцепился буквально зубами. Мне нравилась эта его одержимость. Работу свою он обожал. Вот

не то, что я.

Нет, моя работа, конечно же, не вызывала у меня приступов отвращения, нет. Но и без неё я бы спокойно прожила. Другое дело, что теперь, в связи с внезапным превращением моего реального мира в какую-то невероятную дикую фантазмагорию, мне очень сильно требовалась регулярная порция чего-то обыденного, стабильного и привычного. А серенькие трудовые будни рядового офисного работника как нельзя лучше подходили для этой роли.

Зайдя в свой кабинет, я тут же усомнилась, что конкретно мои трудовые будни – серенькие. Директор нашей школы Илья Петрович увлечённо ползал на четвереньках под моим столом, издавал пыхтящие звуки и что-то бормотал себе под нос.

– Илья Петрович? Доброе утро, – осторожно произнесла я.

– А, Марта, здравствуйте! Представляете, открыл окно и сквозняком сдуло документы, которые вы вчера распечатали. Кстати, спасибо вам большое, очень выручили. Вроде всё собрал, а один лист затерялся куда-то...

Я с облегчением выдохнула.

– Ой, давайте я сама найду, что же вы под столом-то? Или распечатаю сейчас заново. Вылезайте оттуда.

– Да? Ну наверное, так проще, Марта, вы правы.

– Конечно, – утвердительно кивнула я головой. – Вы как себя чувствуете сегодня, уже лучше?

– Гораздо лучше. Я бы и вчера на работу приехал, но дочь встала в позу, что тут поделаешь? Она за меня волнуется, я понимаю. Ну ничего, сегодня наверстаю все дела, – пообещал сам себе Илья Петрович, после чего покряхтывая вылез из-под стола и направился к двери.

– Забыл, – обернулся он у входа, – пригласите ко мне, пожалуйста, Тамару Степановну, если она уже пришла. Надо с ней обсудить новые договора.

– Да, конечно.

Илья Петрович скрылся в своём кабинете, я распечатала и отнесла ему безвозвратно унесённую сквозняком страницу и отправилась в нашу бухгалтерию, решив по пути купить себе ароматную порцию капучино.

В голове у меня царил жуткий сумбур. Рассказ Глеба про Агату и мою несчастную бабушку Ханну никак не хотел уложиться, осесть и приобрести логичную форму конкретных выводов и будущих разумных действий. Отдельные фразы и интонации, не без помощи, разумеется, моего буйного воображения перемешались в какой-то запутанный клубок эмоций и риторических вопросов. Вдобавок, в этот хаос вклинивались свежие воспоминания о вчерашнем визите Свена. Умом я понимала, что надо просто сосредоточиться и трезво взвесить полученную информацию. По возможности с холодным сердцем. Но душа моя упорно протестовала. Ей необходимо было сначала пропустить это всё через себя, окрасить в подходящие тона, посмаковать, и уже потом

с чем-то смириться, а чему-то воспротивиться.

Вдыхая аромат купленного только что капучино, я решила, что до вечера не буду заставлять себя думать об этом. Рабочая рутина меня отвлечёт, а там глядишь и само собой как-то всё уляжется и определится. Да будет так.

Я заглянула в открытую настежь дверь бухгалтерии, чтобы позвать Тамару Степановну, и на всякий случай мысленно подготовилась к жалобам на духоту или арктический холод в нашем офисе. Но в кабинете сидела одна Оля.

– Оля, привет. А ты пока одна?

– Доброе утро, Марта. А вы не знаете, разве? Я думала, Тамара Степановна уже предупредила вас. Или Илью Петровича.

– О чём предупредила?

– Так её сегодня ночью забрали на Скорой в больницу. С воспалением лёгких. Да. Представляете, она вчера уселась между двух вентиляторов, так ещё и окно нараспашку открыла. Я понимаю, конечно, что жара на улице стоит адская. Но сами подумайте, когда вас с двух сторон сдувает сквозняком, ожидать чего-то хорошего, по крайней мере, глупо. Вот такие дела.

«Господи, я убила нашего главбуха», – эта мысль молоточком застучала у меня где-то в районе висков, и я почувствовала лёгкий приступ тошноты.

Какой ужас, как я могла так легкомысленно внушать невинным людям всякие глупости??

– Подожди, – просипела я. – А что сейчас с Тamarой Степановной? Ей настолько плохо? В какой она больнице?

Надо срочно ехать в эту больницу. Поговорить с врачами, найти лучших, что-то сделать ещё...

– Понятия не имею куда её положили. Но она в порядке. Просто ночью температура высокая поднялась, муж перепугался и вызвал ей Скорую. Она жутко на него обиделась. Говорит, сплавил специально, чтобы дома одному побыть. Забавно, да?

– То есть, она сама звонила? Она жива?

– Пфф, да что с ней сделается! Вот увидите, сегодня же она сбежит из больнички, а завтра с утра будет как штык на работе. Эх, а я бы тоже отдохнула от неё, честно говоря... Марта, вы бледная какая-то. Душно наверное, да? Жесть, погода стоит, конечно.

Согласившись с Олей по поводу адских погодных условий, я на негнущихся ногах выползла из кабинета бухгалтерии. Нет, такими темпами я до вечера просто не доживу. Ну, и зачем мне такие «серенькие будни», а?

К обеду мне всё же удалось вникнуть в рабочие дела, я успешно загрузила в таблицу расписание на июль, разослала преподавателям уведомление о поступивших новых методических пособиях и даже – о чудо, смогла проголодаться. Идти обедать в уличное кафе мне не хотелось – без Глеба я туда никогда и не ходила, поэтому я ограничилась покупкой пары пирожков в нашей школьной столовой. Выпечка, надо

сказать, у нас тут знатная. Ассортимент совсем скромный и без претензий на оригинальность, но пирожки эти разбирают мгновенно. В общем, я взяла себе стакан прохладного морса, расстегай с рыбой, пышную венгерку с творогом, и присела за удачно освободившийся у окна маленький столик.

В голове у меня звенела приятная пустота. Ни единой мысли. Прекрасно. Наверное, мой бедный мозг окончательно отказался выполнять свою прямую обязанность – думать. Я доела расстегай, и принялась за венгерку, аккуратно взяв её двумя пальцами, чтобы не обсыпалась сахарная пудра. Окно возле моего столика было открыто и я отстранённо наблюдала за происходящим во внутреннем дворе. А там происходило бурление жизни. Двое мальчишек лет пяти не поделили красивую игрушечную машинку, а их бабушки пытались мирным путём решить эту проблему. До меня долетел обрывок разговора.

– Ну, Мишенька, успокойся, родной, – увещевала своего внука одна из бабушек. – Это же не твоя игрушка. Ты попросил, но мальчик не захотел тебе её отдавать. Да, ты сделал всё, что мог – попросил, объяснил, однако он не захотел делиться и это его право. Пойдём домой, у тебя там полно игрушек. И ты сделал всё правильно, мой золотой, но запомни: предсказать поведение других людей мы не в силах.

Они ушли, последняя фраза начала крутиться в моей пустой голове, а рука с недоеденной венгеркой зависла в воздухе. Пудра начала сыпаться на мою юбку, но я уже не обра-

щала на это никакого внимания.

«Предсказать поведение других людей мы не в силах». До меня вдруг дошло, что произошло вчера на самом деле. Свен по собственной воле на протяжении последних месяцев усиленно искал информацию о моей бабушке. Искал для меня. Он сопоставлял найденные факты и находил новые связи между нынешними действиями Агаты и таинственным прошлым Ханны. Ему удалось связать всё воедино. И он приехал ко мне поделиться этими важными сведениями. Что сделала я? Я бросилась на него, как припадочная. А Глеб сломал ему нос. Ну да, не очень адекватное поведение самого Свена тоже оставляло желать лучшего, но всё же как-то нехорошо получилось. Впрочем, он всегда был невысокого мнения о моей эмоциональной устойчивости.

Машинально дожевывая венгерку, я вышла из-за стола и пошла обратно в свой кабинет. Может, надо позвонить Свену? Просто извиниться перед ним. В конце концов после всего, что он для меня сделал это было бы логично. Проявление обычной вежливости. Или что-то ещё? Безусловно, я не могла не понимать истинные мотивы его приезда. Так может тогда не стоит лишний раз давать ему пустую надежду? И по отношению к Глебу, наверное, мой звонок тоже не очень хорошая идея... Но это всего лишь звонок. И несколько слов благодарности.

Я открыла дверь в кабинет и присела на небольшой диванчик, предназначенный для посетителей. Мои руки, слов-

но во сне, сами взяли мобильник и нажали кнопку вызова с нужным номером.

Как обычно, ответили на том конце почти мгновенно.

– Свен? Привет, – чуть дрогнувшим голосом произнесла я, – как ты? Не отвлекаю?

– Сказать честно, я как раз рассчитывал сейчас поспать пару часов. Вот только прилёт. Сама понимаешь, Марта, ночь у меня выдалась бессонной.

– Ой, прости, я не подумала! Ничего срочного, я просто так... Сказать тебе... – сбившись окончательно, я замолчала.

– Говори, Марта, – снисходительно разрешил Свен, – а я под твой нежный голосок буду представлять, что ты лежишь рядышком со мной. Ты не против, если в моих фантазиях, ты уже будешь раздета? Или для пикантности и остроты ощущений оставим на тебе что-нибудь?

– Свен!

Слушая довольное хихиканье на другом конце провода, я кляла себя на чем свет стоит за это своё глупое решение. Кому тут нужны мои извинения? Уж точно не Свену.

– Ну, что ты там затихла, дорогая?

– Прикидываю насколько быстро положить трубку.

– Не надо, подожди. Мне так приятно, что ты позвонила, честно. Не ожидал. Ты ведь знаешь, Марта, я всегда к твоим услугам, – уже другим, притихшим голосом признался Свен. – Так что ты хотела?

– Да ничего особенного... Ты так быстро меняешь своё

поведение, это невозможно, Свен! Ты вечно сбиваешь меня с толку!

– Ты именно это хотела мне сказать? Ради этого позвонила?

– Нет!

– Хм, дорогая, тогда ты тоже ставишь меня в тупик, – со вновь вернувшимися ехидными нотками произнёс Свен.

– Ладно. Короче, я хотела извиниться за вчерашнее. Вот.

– О!

– Не перебивай, пожалуйста. Я знаю, что ты рассчитывал на другую мою реакцию во время вчерашней встречи, на хоть какое-то взаимопонимание, но вот сложилось так как сложилось, извини. И ещё я хотела тебя поблагодарить за информацию, которую ты отыскал. Не представляю, да и не хочу представлять, как тебе это удалось, но это очень круто, спасибо.

Выпалив весь текст, я перевела дыхание и подготовилась к новым язвительным замечаниям. Но в ответ была лишь тишина.

– Свен? Ты ещё здесь?

– Здесь, – глухо ответил он.

– Э... Ну, тогда ещё раз спасибо, и отдыхай, не буду тебе мешать.

– Подожди. Ты меня удивила. Я бы сказал, что тебе удалось почти невозможное – обезоружить меня своими словами.

– Да что я такого сказала-то? – растерялась я.

– Ничего. Всё в порядке. Просто я очень обрадовался твоему звонку, Марта. А насчёт добытой информации – так это же для тебя. Ради тебя. Всё, что угодно, ты знаешь.

С нарастающим чувством тревоги я отметила проскользнувший и вполне уловимый акцент в произношении Свена – стопроцентный признак того, что он искренне взволнован. Теперь я уже твёрдо понимала, что совершила ошибку, решив ему позвонить. Чёрт возьми, почему я всегда сначала что-то делаю, а потом думаю?!

– Да, разумеется, Свен. Я понимаю. Спасибо. Но давай не будем... Пожалуйста.

– Как скажешь.

– Спасибо.

– Не за что, Марта.

С минуту мы молчали. Пока я краснела и судорожно соображала как бы поделикатнее закончить неудобный разговор, Свен сам прервал затянувшуюся паузу.

– Можно тебе задать один вопрос? – осторожно спросил он.

– Конечно. Я же имею полное право на него не отвечать.

– Надеюсь, что всё же ответишь.

– Посмотрим. Задавай.

– Скажи, Марта, как тебе удалось забыть всё, что у нас было? У меня вот никак не получается. Парадокс, конечно. Не припомню, чтобы за свои сто с лишним лет жизни я из-

за чего-то так сильно переживал. Я людей убивал... А тут, глупость такая... Ты не выходишь у меня из головы. Нет, не так – я не в состоянии выкинуть тебя из своей головы. Ведь я могу любую женщину... Какую только пожелаю. Но ты, Марта, почему – ты?! У меня такие сногшибательные красотки были, и хоть бы что...

– Ну извини, что я не такая красотка.

– Перестань. Ты же понимаешь, о чём я. Неужели ты ни разу за последние месяцы не вспоминала наш Петербург, Марта? Помнишь, как я возил тебя в Кронштадт на день рождения? Ведь именно там мне удалось рассмешить тебя в первый раз после всего того, что натворил с тобой этот ненормальный придурок? А наш краткосрочный приезд в Москву на разведку? А наша первая настоящая ночь, Марта? И как, скажи на милость, взять и вычеркнуть из памяти твой побег ко мне во время новогодних каникул? Как?

Дышать я перестала. Просто боялась, что с новым вдохом в мои лёгкие попадёт слишком большая порция боли и страдания, изливающаяся с другого конца провода. Слишком большая для меня. Поэтому проще не дышать вовсе.

– Что-то я увлёкся... Ладно, будем считать это моей минутой слабости. Марта? Ты там жива?

Я тихонечко шмыгнула носом.

– О нет. Не надо. Как же я забыл, что ты можешь разревься в любой момент. Это всё мои идиотские вопросы. Чего я так завёлся, сам себе поражаюсь... Марта?

– Нет, ты не виноват. И я отвечу на твои вопросы.

– Ну что ты, не бери в голову, – надежда в голосе Свена смешалась со страхом. С самым настоящим животным страхом, я отлично почувствовала эту гремучую смесь.

– Ты спрашиваешь, как я смогла забыть. Я не смогла. И наверное уже никогда не смогу. Но это ничего не значит. Глеб для меня – всё! Без Глеба ничто не имеет смысла, мой мир становится серым и неживым. И ты, Свен, как никто другой это знаешь.

– Знаю, – эхом повторил он.

– Спасибо за всё, что ты для меня делаешь. Я это очень ценю. Но ничего другого предложить тебе не могу. Извини.

– Время покажет, Марта, время покажет... Я только что услышал от тебя самое главное и это даже больше, чем я мог ожидать.

В голосе Свена вдруг отчётливо прозвучали торжествующие нотки. С явным намёком на приближающуюся эйфорию.

– Что ты такого от меня услышал? – всерьёз занервничала я. – Может ты не понял, но я имела в виду, что...

– Марта, дорогая, я отлично всё понял, – мягко перебил меня Свен. – Пожалуйста, не надо оправдываться и винить себя за постыдные, по твоему мнению, чувства.

– К-какие чувства? Винить себя?! – моему возмущению не было предела.

– Ну, детка, расслабься. Сам факт твоего сегодняшнего

звонка говорит о тебе гораздо больше, чем ты думаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.